

СМЕНА

№ 16 АВГУСТ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ЗНАКОМЫЕ ЛИЦА

ИЗ КАБАЧКА
«13 СТУЛЬЕВ»



Твоя профессия



ТРИДЦАТЬ МИНУТ ДО ОТКРЫТИЯ

Алексей ВЛАДИМИРОВ,
Альберт ЛЕХМУС (фото)



«Направить в течение пятилетки по комсомольским путевкам в торговлю и потребкооперацию не менее 1 миллиона, в бытовое обслуживание и коммунальное хозяйство не менее 500 тысяч комсомольцев и молодежи».

Из постановления IV Пленума ЦК ВЛКСМ

9 ЧАСОВ 30 МИНУТ УТРА.

Минск. Комсомольско-молодежный универсам на проспекте Ленина. Кажется, солнце, пробившись сквозь невидимый барьер окон, навсегда поселилось в этом просторном зале, наполнив его весь — от потолка до отзеркаленного пола. По гладкой его поверхности выезжают через широкие двери складов тележки на резиновом ходу, высоко нагруженные люками, коробками, ящиками.

Разворачиваясь, тележки останавливаются у прилавков, и тогда из чрева коробок и ящиков продавцы, удивительно похожие на фокусников, достают цветные платки, яркие свитеры, игрушки, бамбуковые спринтеры, флаконы духов, охотничьи сапоги, дetskое пижамы, палатки, телевизор с мутным серым экраном, в котором тотчас загорается солнечный лучик. А среди фантастического арсенала, как актеры в декорациях, двигаются люди, легки и привычно ориентируясь в этом не обрешетом еще жизнь мира. Она начнется через полчаса, когда ровно в 10.00 распластутся стальные двери универсама «Минск».

— Итак, вы говорите, что все это напоминает театр? Ну, что ж, продолжим, если хотите, такое сравнение. Каждый новый театр начинается всегда с идеи. Так вот, наш магазин тоже возник из идеи. — Это говорит

работница магазина Алла Владиславовна Бобок, которая согласилась быть гидом в нашей тридцатиминутной экскурсии.

Действительно, у истоков рождения магазина была идея. Она сводилась к тому, чтобы создать традиционное, застывшее представление о продавце: снз с полик, отмерил, выложил чек, завернул — и с Богом. Но, как известно, отказаться от старой философии — полдела. Нужна новая, отвечающая требованиям времени. К чему же в таком случае сводится философия современной торговли, которую исповедуют молодые работники нового универсама?

Поток возгласов, выраженных убежденно и бескомпромиссно, которыми наперебой буквально засыпает нас молодые продавщицы, решительно убеждает, что двух ананий на этот счет здесь быть не может. «Современный продавец — это советчик, консультант, если хотите, наставник покупателя».

Кстати, именно такая формулировка заложена в условиях конкурса на лучшего продавца. Этот конкурс — явление в магазине постоянное благодаря работам комсомольской организации универсама. И все же нельзя было не спросить:

— Не слишком ли много функций для столь традиционной профессии!

— Нет! — отвечает Светлана Кузь-

ЗАЛЫ УНИВЕРСАМА «МИНСК» СВЯТЫ И ПРОСТОРНЫ.

ОТДЕЛ ЭЛЕКТРОБЫТОВЫХ ПРИБОРОВ. ПОКУПАТЕЛИ СМОГУТ УВИДЕТЬ, КАК РАБОТАЮТ КОФЕЙНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ, ХЛЕБОРЕЗКИ, ПОРТАТИВНЫЕ ГАЗОВЫЕ ПЛИТКИ...



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года

Выходит два раза в месяц

№ 16 [1962]

АВГУСТ

1971



НАША ОБЛОЖКА:
Актриса Наталья СЕДЕЗ-ИВБА.

РЕПОРТАЖ О ТЕЛЕВИЗИОННОМ ИБАЧЕИ 12 СТИЛЕЙ.
ЧИТАЙТЕ НА СТРАНИЦАХ 30—31.

4.

«ЭА» И «ПРОТИВ»
ДИРЖИЖЕЛЯ.

8.

Виктор ИЛЬИН.
Рассказ «ТРЕЩИНА».

12.

«КРАСОТА
РОДНОЙ ЗЕМЛИ».
Леонид ПЛЕШАКОВ.
Очерк «ПОПЦАРСТВА
ЗА КОНЯ».

24.

ПЕРИКЛ
И «ЗОЛОТОЙ ВЕК».
Венгерский журналист —
в «Смене».

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

КАУНАС — ГОРОД, ГДЕ УЧАТСЯ ВСЕ.

РЕПОРТАЖ
«СТАРТ НА ТРАКТОРОДРОМЕ».

«СИЛУЭТЫ».
ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ.

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, Г. П. Енисеев, А. П. Кунешов, А. А. Лиханов (ответственный секретарь), В. В. Лукин (заместитель главного редактора), В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], В. Е. Томашевский.

Художник Г. С. Терзибашев. Технический редактор Н. И. Будина.

ко, продававшая отдела готового рукоделия.

Из дальнейшего разговора вырисовывается портрет современного продавца в интерпретации, так сказать, наших собеседниц — советчика, консультанта, инстинктивки и — большое того — воспитателя вкуса покупателя. Да да, из весьма эмоционально прошедшей беседы выяснилось, что продавец, как минимум, должен обладать отменным вкусом. Хотя бы на тот случай, если покупатель, скажем, предпочтет приобрести пальто или костюм, рукава которого по старинке оставляют открытыми только кончики пальцев. Вот тут-то и нужно, чтобы продавец очень деликатно (наши собеседницы подтверждают это слово) объяснил покупателю, почему делать этого не следует...

9 ЧАСОВ 40 МИНУТ.

Коробки и ящики, теперь уже пустые, снова погружены на тележки и скрываются за широкими дверями склада. Снимается уже разноеженье, поставлены и походят теперь на балабучую роуцу. Солнце играет в граничных флюидах с духами, в велосипедных спицах, красные огоньки тельца, в глазах владельцев медедара, ложится на лакированные носки туфель, и только зинные пальто угрюмо молчат, не принимая ни яркого солнца, ни всей этой деловой суеты, когда девушки в форменных платьях деловито и привычно наводят последний глянец — каждая в своем, собственном издольстве.

— Рекламы — двигатель торговли! Как это волновала и сейчас волнует проблема рекламы.

Алла Владиславовна подводит нас к складу, назвав которого, сразу покажут, несколько куратор — «Шейте сами», но мы, надо сознаться, забыли об этом тотчас же, как только поняли, что это за склад. Мы зашли в стого, что в отделе тканей остаются (как это, впрочем, и должно быть) куски, которые настолько малы и неудобны, что не годятся для изготовления. Тогда с помощью портных разработали полтора десятка фасонов платьев, которые, как доказали модельеры, можно было сделать из остатков кусков разных кусков тканей. Это, так сказать, чистая экономика. Финансовая сторона операции говорит сама за себя: шить, например, хлопчатобумажное платье в ателье обходится, как известно каждой женщине, в двенадцать — четырнадцать рублей, а приобрести такую же материю в распродажном уже виде в магазине и шить на домашней машинке — всего пять рублей... Так родилась идея, но идея нужно дать жизнь. Энтузиасты пошли, что называется, в народ — в фабрики, в институты, в близлежащие колхозы. Через несколько дней пришлось создать отдел «Шейте сами». Сейчас он один из самых многолюдных.

Как видите, покупатель доволен и магазин не в накладе...

9 ЧАСОВ 50 МИНУТ.

Наконец, солнце, совершая свой ежедневный круговорот, подходит к тому мгновению, когда мелодичный голос, такой же светлый и веселый, как утро, заливает на всех этажах универмага: «До открытия магазина остается десять минут! Это значит, что последний глянец наведен в каждом хозьстве и пора подумать о себе. У зеркала так, как это и бывает у зеркала, когда никто дварш... Но, кажется, все готово, и можно наконец, шурша от солнца, взглянуть сквозь невмирущие стекла на огромный город, который весь в этот час в веселом утреннем движении. Через несколько — теперь уже самых последних — минут часть этого веселого движенья большого города воляется



ПРОВАДНИЦЫ СВЕТЛАНА КУЗЬКО И ЛАРИСА БАРАШКО ГОТОВЫ ДЕМОНСТРИРОВАТЬ ПОКУПАТЕЛЯМ НОВЫЕ МОДЕЛИ ПЛАТЬЕВ.

в наполненные солнцем залы магазина. Через несколько минут...

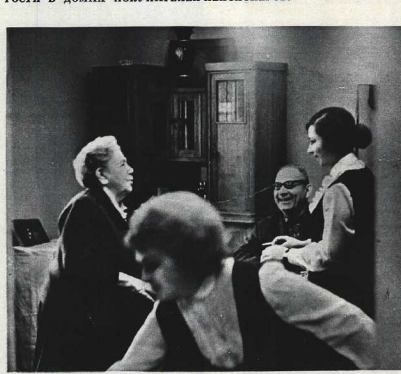
— Ну, какой вы не спорите, что шель наших рекламы — польза покупателю, то вам, конечно, понятно, что должны повлечь за собой поиски новых форм торговли. Вот, познакомьтесь. — Алла Владиславовна подводит нас к двум продавщицам отдела женского платья — Лариса Барашко и Шура Гретьникова. Они овладели второй профессией — стали менеджерами.

— Что же вас заставило? — Жизни — быстро отвечает Лариса, и чувствует, что ей не в первый раз приходится отвечать на подобный вопрос — а в общем, если серьезно, то мы мысленно ставили себе на место покупателя. Представьте, приходит к нам покупательница, приходит она вдоль сетен вот этих югов в Большишинске и хороших, но мертвых платьев на плечиках. Пред-

дет, посмотрит и не купит. Не купит потому, что у нее вполне естественное желание увидеть как выглядит это платье на живой модели, в движении. Тогда мы и подумали: а почему бы в магазине не устроить показы. Ну вот вам и вторая профессия.

Весьма своеобразная форма торговли была сотворена в отделе электротехнических приборов. Здесь обратили внимание, что иногда товары «кажешьясь» только потому, что покупатель не знает их истинных возможностей. Словами и объяснениями не всегда найдешь путь к покупателю, ибо, как гласит восточная мудрость, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Тогда решили, что приборы нужно показывать в действии, а это значит, что на глазах у покупателя стиральная машина должна стирать белье, кофейная машина — молоть кофе, портативная плита — кипятить чай... «Так наш отдел из музея

«КОРРЕКЦИОННИК» ОЛГА ГАЛЕНКО И ТАТЬЯНА ВЕСЮК — ЧАСТЫЕ ГОСТИ В ДОМАХ ПОКУПАТЕЛЕЙ-ПЕНСИОНЕРОВ.



техники превратится в действующую лабораторию. Покупатель, доведенный до нас это — лучшее вознаграждение...»

Есть в универмаге и свои «коррекционники». Пожалуй, самые популярные из них Оля Гененко и Татьяна Весюк. Они тоже сумели поставить себя на место покупателя и пришли к выводу, что не каждому легко ходить в магазин за всякой мелочью, но и в этом случае у продавщиц есть интуиция, возможность помочь покупателю. Должно быть, потому их и зовут в шутку «коррекционниками», что в них корзинка этикета, кружева, бантики — что угодно для души. Но дело это совсем не шуточное. Своим подшефным покупателям — а это девушки приносят домой все, что было заказано по телефону.

— Что касается меня, — говорит наш гость, поглядывая на часы, стиральной которая приближаются к дескту, — то я каждый день убеждаюсь, что работа продавца современного универмага — работа творческая. Если, конечно, относиться к делу с любовью. Есть же продавщицы и в фантазии.

— Послушаешь вас, посмотришь вокруг, и выходишь, что продавец должен быть и шевель, и жесткий, и не дура же никак. Этим же одним в трех лицах. Алла Владиславовна искренне удивляется:

— Так ведь к этому мы и стремились! Отметить аршином да завернуть в бумажку — дело нехитрое и неучу по плечу... Если мы уж начали с театра, давайте ми и закончим. Означив студию, актер приходится встать на сцену, а продавец — не согласиться, что если через десять лет он будет знать о своем искусстве не больше, чем сегодня, грош цена такому артисту. Этим же одним в трех лицах. Продавец и профессия актера не одно и то же, объединять же их можно только одно — творческое отношение к делу. Так почему же молодой продавец имеет право остановиться в зинных своего мастерства, в зинных же того, с чем он сталкивается ежедневно и ни что имеющее долгие давать ответ? У нас в магазине уже давно вошло в норму, что продавец, окончивший курсы или даже торговую техникуму, должен учиться. Мы же организовали школу рабочего мастера.

Когда же мы подробнее узнали об этой школе, понатным стало, почему девушки из универмага «Минск» так смело предъявляют требования к профессии, представителям которой являются сами. Так почему же молодой продавец имеет право остановиться в зинных своего мастерства, в зинных же того, с чем он сталкивается ежедневно и ни что имеющее долгие давать ответ? У нас в магазине уже давно вошло в норму, что продавец, окончивший курсы или даже торговую техникуму, должен учиться. Мы же организовали школу рабочего мастера.

— Мне кажется, у нашей школы есть будущее...

10 ЧАСОВ 00 МИНУТ.

Именно в этот час, минут в минуту, расплазываются стелляющие двери универмага «Минск», и девичий гул, разносимый динамиками, весело звучит в наполненном людями и солнцем зале: «Добро пожаловать, дорогие товарищи покупатели!

Стихи о далеком друге

Далекий друг пшеницу сеет в поле,
Он рубит угол, строит новый дом.
Далекий друг к моей нешушной доле
Причистен, сам не ведаю о том.

Его лицо — в морских соленых
брызгах,
В горячих красных бликах — при
огне.

Далекий друг, далекий он и близкий:
Он не предает, он не изменит мне.

Воспоминание

Помню в детстве портреты
Четкой ряд на стене.

— Эти люди, — пытал я, —
Кем приходится мне?

Как-то маму я, помню,
Тормошил не впервые:

— Этот дедушка кто мне!
— Это дедушка твой,

— Этот дяденька — папа,
Тот, которого нет...

— Это кто!
— Это Пушкин.

— Мне-то кто ои!
— Поэт...

Никогда не забудусь
эти слова:

Мне казалось: —
поэт —
это степень родства...

В дороге

Вспоминаю, в вагоне, в дороге
Приснаываясь мне горло поэт:
— Вот уж год, как не падают строки,
Есть слова, а мелодий нет.

Все, что прежде цело и лучинко,
Вдруг подернулось, как вельюно,
То ли что-то со мной приключилось,
То ли с миром.

Пусть лучше со мной...

Сентиментальное

Где-то на далеком полуостанье
Этот символ извлекну на свет.
Спутник в пыльной куртке и ушанке
Спросит: — Жинка! Я отвечу: — Нет...

Может, к лучшему, что мы
расстались,
Что не вместе нам сыграть года
Ты живи, живи, живи, не стараясь,
Оставаясь вечно молодою.

Где-то на далеком полуостанье
Этот символ извлекну на свет.
Спутник в пыльной куртке и ушанке
Спросит: — Дочка! Я отвечу: — Нет...

В пути

Снова, жизнь, дорогу подарил:
Чтобы, как весы, качались дали,
Чтобы, набегая, фонари
Узвучивались,

пропадали
За спиной...

Дорогу подарил:
Параллели телеграфных линий,
Нитку — за деревням — зарю
И попутника
помолчаливей.

Кресельно-канатная дорога

под Нальчикком

Кресельно... Канатно...
Сядем! Рискнем! А надо ли!
Надо ли на ходу,
словно птенца на жердочку,
словно котенка в форточку:
шмялочок, упаду!

Гнаться за кабардинцами!
Это и у них в традиции:
без оглядки в седло —
и над деревом манушкин,
над Эльбрусом, Ушбаим
понесло, понесло.

Все-таки я равнинная,
миленькая, ранимая,
Но промедленья — стыд.
Плюхався в кресло жесткое,
целью себе зазвездало —
и, дорогой, прости...

Дуря, артиста, пугалица,
долго ли просто вывалился,
Спрашивать-то с кого!
Мнится снаряд космической
под невнятной вывеской,
как в ЦПКЮ.

Рухнет воздух, режется,
починая чудом держится
на застывших ногах.
Чтобы еще никогда
запросился ни небо —
да сохранн аллах.

Но долетела, высободилась
из перелета, высадилась.
Хорошо! Хорошо!
Сердце усталым маятником:
если риснула в маленьком,
может, риснешь в большом!



Когда мне очень нелетко,
гляжусь я в рожки дитяти
и вижу в ней свое лицо,
не стою уж ангельское, истатн.

И собственным лицом мам
в тот миг я огорчаюсь мало:
морщины выглядят, как грим,
далекий от оригинала.

А напряженные черты
и безмятежной и согласней.
Я и зарывался:
— Кто всех прекрасней!
И дочь мне отвечает:
— Ты!



Крылья

Грузный, обрюзгий мужчина в летах
ты ли!
Ты же, когда мы встречались, летал.
Где твои крылья!

Ты говорил, что влечется — позор,
пешим — пешим.
Я понимала, что ты не позер,
молча глотала насмешки.

Как ты боится любого манка:
женщины или
девочки — предпологалось, меня,
— вакующей крылья.

Как ты страшнися домашник олов,
завешивал, медлил...
Все-таки несколько острых глотков
ты мне отмерил.

Остотерло тебе, что бескрыл
гадюкой утенюк.
Дав укороченных мне подарил,
дав уцененных.

Все же, когда я попала впросак,
подала мне руку,
расстался, что летают не та к...
Благодарю за науку.



Врач

Гуго Глазеру, автору книги
«Драматическая медицина,
или омыты врачей
на себе».

Я врач,
я тоже ставлю опат,
и это — опат на себе.
Вонзай, колыр, зарзавый зобот
в меня

и красного испей.
Сюда, подяец!
Но перемри
с болезнью — вечная вранда.
Моя закотмет наперник.

И все-таки прошу: сюда.
Пока холодный липкий обрус
не сжался вирту души моею,
поробую болезнь заобрить
подробной записью о ней.

Пусть изучают, пусть лекарство
найдут ученые мужи.
Я горькой хине «благодарствуй»
скажу,
когда останусь жить.

Но если злая лихорадка
в победный динется поход
и онемевшая тортрава
чужой льяльце пролевет,
я думаю,
мой врач не дрогнет
ведь я всегда была слабей)
и завершит опатный опат,
прекрасный опат на себе.

Рисунки Владимира БЛАНКМАНА

Русская борзая

Из какой-то там дыры,
из дюриньевой конюры,
в жаро мене бросая,
русская борзая.
Благородный экстерьер,
наведенный револьвер
выжуготой морды,
вид украсной горды.

Эта негя, эта стасть!
Их оставлюсь — воспитать.
Всюю, что ли, сыноду!
Говорят, что Бондаричу
располал пятнадцатый штурк
дла «Войны и мира».

Здравствуй, чудный мой небель.
Что же мне сказать тебе!
Эра зубами блещешь:
я и тебе от всей души,
лай, но только не брешь.
Приучилн. Брешешь.

Твой хозяин бесполонок:
ты охотин на волков,
а не на воршиек.
Ведь и так твием засов,
беспорочных всяник лсов
ведь и так изшиек.

И пора бы знать тебе,
что борзая показан бег,
«Ах ты, а не валять.
Сердце так заведено,
что в бездетины оно
гибнет от инфаркта.

Что же делают ты бодей!
Говорят тебе «тубо»,
мжсон губы манут,
перед носом нашрут.
Кринут «вилью» — один бросок
ты хаватьш свой кусок,
душу мне терзая,
русская борзая.



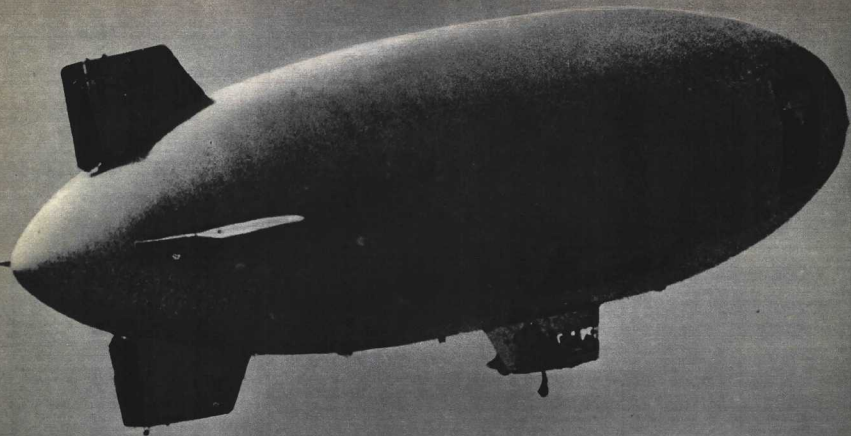
Накой архив мы развели!
Из ничего как моего законя!
Его потом не сдаться в ЦГАЛИ
и не продать с аукциона.

Что будет делать наша дочь
с мешками писем, сочинений,
с фотоальбомчиками — точь-в-точь,
как если б тут скрывался гений

Она их станет разбирать,
с трудом одолевая дрему,
и снова сунет под кровать,
не в силах резать по живому.

Э, девочка, не доросиш,
ни адресов, ни дат не помни.
Ведь это все чужая жизнь.
Кром своею поюзай.





Евгений МЕСЯЦЕВ

Снова дирижаблели?

•
ВОДОРОД ЧУТЬ НЕ ПОГУБИЛ ДЕЛО.

•
ПРОТИВ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК.

•
ОПЕРАЦИЯ «ПОЛНЫЙ ШТОРМ».

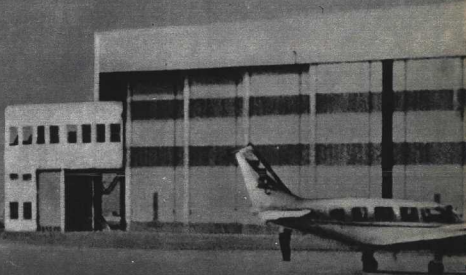
•
АТОМНЫЙ РЕАКТОР В ВОЗДУХЕ.

•
НОВЫЙ ЭКСПОНАТ НА ВДНХ.

Первый металлический дирижабль LZ-1 построили в 1900 году немцы, точнее, люксембургское общество развития управляемого воздухоплавания, которое в 1898 году основал граф Цеппелин.

В Европе основательно заигрался за дирижабли. В годолах, которые они несли, появились шаржеры салоны с танцевальными залами, ресторанами и бильярдами. Фаерные самолеты, словно сговорившись, бились один за другим. Мнение же о дирижабле как об эталоле надежности крепло с каждым днем.

Первая мировая война еще сильнее подтолкнула дирижаблестроение. Немцы и здесь пер-



мысли постигли рациональную суть его дела: их воздухоплаватель надели военную форму и плечом к плечу с авиаторами занялись на дирижабле разведкой, поставкой вражеских кораблей, корректировкой артиллерийского огня, постановкой морских мин.

В 1924 году американцы строят первый жесткий дирижабль — LZ-59. Через год военный флот США получает от немцев аппарат LZ-126, а спустя еще шесть лет американско-германская фирма «Гудьер—Цепелин» выпускает два летательных аппарата «Аэроп» и «Мексин» — самые большие дирижабли того времени: 240 метров в длину и 40 — в диаметре. С полной заправкой горючим и с грузом 80 тонн «Мексин», например, пролетал 17 тысяч километров. Возвез дирижаблем в час. В Брехе проталили шестнадцать спаренных пулеметов и семь истребителей. Самолеты зачислялись с помощью специального стартового приспособления, затем команда снова приближалась к борту «Мексина».

Немецкий дирижабль LZ-129 «Гинденбург», построенный в 1929 году, был самым большим в мире. Он совершал регулярные коммерческие рейсы из Франкфурта в Нью-Йорк. В 1937 года «Гинденбург» возвратился в Лейпцигском аэропорту США во время сильной грозы.

Дирижабль-гигант был ныряльщиком водородом; как потом выяснилось, немцы поклали денег на гелий, который им предлагали американцы. Икра в одном из моторов, а может быть, и удар молнии погубили гордость Германию.

Итак, причина этой и последующих катастроф кровалась отнюдь не в технических ошибках конструкторов, но в плохом качестве материалов, из которых строили дирижабли. Кроме того, непременно все хотели сразу заключить в самый большой аппарат и обязательно самой сложной, жесткой конструкции, хотя немецкие специалисты советовали начинать с простейшего, малого дирижабля и копить собственный опыт. Гипертрофия и поспешность чуть не погубили дела.

Последние годы принесли авиации несказанные выгоды и скорости, и надежность, где уж тут серьезно думать об истинном воздухоплавании.

Но несмотря, что происходит. Последние пятнадцать лет отмечены чрезвычайной активностью дирижаблестроения во многих странах мира. Не только энтузиасты и «фанатики» серьезно занимают проблемами дирижабля. Не один десяток довольно известных фирм ищет новые материалы, союда и проектирует специальные оборудование, упорно и последовательно расширяют сферу применения дирижабля. Вот несколько примеров такой деятельности.

В августе 1958 года США отправили в поход в Арктику дирижабль полярную свою автономную субмарину «Наутилус». Дирижабль военно-морских сил неустойчиво конвоировал лодку весь период ее плавания; специализируясь, установив, что в случае аварии только дирижабль по-настоящему поможет лодке и ее экипажу. В годоходе дирижабля лежал 14 тонн груза: запасные механизмы, продукты, снаряжение. Пятнадцать и больше экспедиций дирижаблями: военные хотят приспособить такой аппарат

под летящие командные пункты и с них управлять залпами баллистических ракет.

Не так давно американцы испытали свои дирижабли в Северной Атлантике. Воздухоплаватель налетал более 200 часов. Без дозаправки горючим один из дирижаблей продержался в воздухе одиннадцать суток. Испытания в Атлантике показали, что дирижабли могут взлетать и садиться при скорости ветра до 30 метров в секунду, прилетать в тумане, когда нижняя кромка облаков опускается до 60 метров. Современная пассажирская авиация не способна работать пока в таких условиях.

В феврале — марте 1968 года авиаторы США провели операцию «Полный шторм». В течение двух месяцев — в пургу, гололед, при скорости ветра до 40,5 метра в секунду тестировали дирижаблем кругосветно маршрутизировали район Атлантического океана площадью в 3750 квадратных миль. Цель операции «Полный шторм» — поиск подводных лодок «аргентинских»...

Процессом не забыта и коммерция. В штате Орегон, например, фирма «Богемия Лумбер Компани» вот уже четвертый год с помощью дирижабля вывозит лес из труднодоступных районов до 40,5 метра в высоту, а выдвигает более 40 кубометров древесины. Фирмы, занимающиеся в США строительством дирижаблей, считают, что их продукция в полвой мере может зарекомендовать себя в Канаде: тамно здесь много труднодоступных районов, богатых всевозможным сырьем...

Атомные двигатели открыли новые перспективы в дирижаблестроении. Пыльняком является ядерного горючего летает для того, чтобы дирижабль налетал более 500 тысяч километров. Еще язык и проекты таких дирижаблей. Австрийский инженер Эрнст фон Берес, например, запатентовал аппарат ALV-1 с атомной силовой установкой. Длина дирижабля — 324 метра. Его строительство обойдется в 100 миллионов марок. По сообщением из ФРГ (там Эрнст фон Берес хотел построить свой аппарат), дирижабль должен был залезть в прошлый год.

Американцы хотят приспособить атомный дирижабль под летательный аппарат ВВС. В кордуз гитара будут расположен аппараты, дрижальница горючего и боеспособна, ремонтные мастерские и места для отдыха экипажей боевых машин. Здесь уже отмычка проекта хотят оборудовать позиции военных ракет, а также поставить радиолокационные станции, которые способны обнаруживать самолеты противника на дальних расстояниях к летанию аэропорту... Дирижаблестроение в США развивается, несмотря на широкую сеть шоссе и железных дорог, аэропортов, морских и речных путей. Судя по сообщением, кроме всего прочего, американцы, видимо, решили впервые использовать ценные свойства воздухоплавательного транспорта и для перевозки на большие расстояния ракетных установок, а также других видов крупногабаритной техники.

Строят дирижабли в Англии, ФРГ в Японии. Англичане потихоньку осознают или своей военной флот (поиск подводных лодок), японцы приспособивают к коммерции: ввозят туристов и грузы. Немцы пока экспериментируют. Их транспортный дирижабль «Шпаб» летает без

единого простоя 10 тысяч часов. Воевой его дирижабли была обычная девятиметровая стальная мачта — к ней привязывали «Шпаба». Здесь он выдерживал бури со скоростью ветра более 30 метров в секунду.

Одна из японских фирм купила у немцев подобный дирижабль и теперь успешно использует его для аэрофотосъемки, воздушной разведки и спасательных операций в горах и на море.

В маровой практике давно решены основные проблемы строительства дирижабля. У противника дирижаблестроения выбит его один аргумент, а именно — дирижабль можно эксплуатировать и хранить без трюмных элеваторов; они нужны лишь для сборки и капитального ремонта. Переносные лиричные мачты теперь можно расплачивать на борту дирижабля. Это сокращает численность наземных команд более чем в десять раз. Дирижабль можно направлять горючим непосредственно в воздухе, для воздухоплавательной разработкой специальных аппаратов... Мэр, мэр, кажется, снова убедился в пользе дирижабля. Многие признают, что авиация не универсальна, и яриг ей стоит здесь ломать копья: снижком уж дорогое, например, удовольствие — строить с помощью самолетов дома, перевозить сверхтяжелые грузы, особенно тяжелые еще нет аэропортов, дорог, где только все начинается...

Ну, а как обстоят дела с дирижаблестроением у нас?

Еще в 1907 году при Главнокомандующим ведомстве создается комиссия под председательством Н. Л. Карачева. К работам присланы Н. К. Зубовский, В. В. Кузнецов, А. Н. Крылов. Через три года по их проекту построили дирижабль «Речет». К началу первой мировой войны Россия имела десять крупных дирижаблей, и все они участвовали в боевых действиях.

В СССР дирижаблестроением занимались сначала небольшие группы энтузиастов-воздухоплавателей. В 1923 году они подлили дирижабль «VI Октябрь», затем «Московский завод» и «Комсомольская правда». В 1930 году у нас создают «Дирижаблестрой» — специальную организацию при гражданском воздушном флоте, и его главным консультантом становится Умберто Нобиа. Через год советский дирижабль летит в Арктику. Спустя еще шесть лет на самом большом в СССР дирижабле В-6 иллот И. Пальков поставил мировой рекорд: 130 часов 27 минут в воздухе без посадки. Пальков ядром привелся дистрибуции У. Нобиа. Затем «СССР В-6» участвовал в спасении челюскинцев.

Предвоенная история зарубежных вытасов с дирижаблями-бомбами («Граф Цепелин», «Гинденбург»), а также гибель авиаторов, конечно, отразилась на дальних годах энтузиастов воздухоплавания: многие государства перестали проектировать и строить дирижабли. Перед войной в СССР летали всего четыре дирижабля. Два из них — «СССР В-12» и «Лобода» — в годы войны доставляли партизанам оружие, боеприпасы, авиационные ракеты.

После войны только в 1957 году Географическое общество СССР создало воздухоплавательное комитетом. Тогда же в Саратов, Казань, Силькьяаре открылись общественные конструкторские бюро дирижаблестроения и воздухопла-

вания. В 1962 году ленинградское общество ИВ имени К. Э. Циолковского спроектировало дирижабль «Ленинградский десанник», на котором хоть сейчас можно учить пилотов-воздухоплавателей. Спустя три года в Новосибирске открылся I-я Всесоюзная конференция по дирижаблестроению и использованию воздушного транспорта в народном хозяйстве. Участвовало более 200 ученых, инженеров. Четырнадцать министров и ведомств — энергетики, строители, геологи, речники и рыбаки, нефтедобытчики и геодезисты — готовы немедленно дать дирижаблям работу.

И лишь в министерстве авиационной промышленности к идее дирижаблестроения пока относятся скептически.

Что же лежит на других чашах весов? Я спрашиваю об этом Валентина Борисовича Мурчича, руководителя ленинградского областного конструкторского бюро дирижаблестроения, и Виктора Ивановича Кировского, летчика первого класса, рылевого старширока дирижаблей. Это они создали недавно проект стогоного аппарата ЦМ-100, модель которого сейчас стоит на ВДХЗ в павильоне «Труда и Отдыха».

— Саму мысль о дирижабле, — говорит В. Б. Мурчич, — многие авиаторы по меньшей мере считают смешной. Отсюда и это безразличие некоторых авторов и тех, кто финансирует авиацию, к идее, которую выразил еще Уэберто Нобис, сказав, что дирижабль незаслуженно тогда и сейчас всегда срывается с неба. Мы же доказали, что при минимальных затратах сил и средств, парадокс в том, что столько мы сейчас строим в разных отдаленных уголках страны, каменные богатства Крайнего Севера и Сибири осваиваем. Где, как не здесь, должны поработать дирижабли!

— А нет ли в упорстве авиаторов каких-либо чисто технических причин?

— Вы хотите знать, почему ли имеющиеся силы не наладят производство дирижаблей?

— Именно...

— И. З. Циолковский нам-то сказал, что если сделать дирижабль по меньшей мере вдвое, а лучше очень скоро он вернет его в небо и даст раз больше, — среди них и наш конструктор. Но это именно в авиационной промышленности, а не в авиации, — среди нас и сейчас — основа дирижаблей местной конструкции. Недавно только на одной из машин выключили газопоршневые двигатели, приборы навигации, горючее — и это тоже достатке. Из других частей можно обойтись и без строительства специального предприятия (именно вокруг этого весь сыр-бор сейчас и разгорелся). В нашей стране много авиационных заводов, почему бы не включить в их годовые планы два-три дирижабля!

— Чтобы влететь, дирижаблям нужен безопасный гелий — ведь только им наполняют себя. А его в мире добывают не так уж много, к тому же гелий довольно дорог...

— Природные запасы этого газа открыты недавно в нашей стране, следовательно, сытовать на это не стоит. Другое дело — переправлять его к базовым станциям дирижаблей. Но и это можно решить довольно просто. От природной сваминной воды из дирижаблей всасывают в жидком виде на базу, где его переначивают в специальные хранилища. Оттуда по обычной трубопроводу газ поступает и заправочной станции.

— Вспонегоди ли дирижабль?

— Как и самолету, ему опасен сильный ветер, однако у дирижабля есть несомненное преимущество...

...иногда, он может остановиться где-нибудь в тихий день, когда в окрестностях овладели спокойной погодой. Ни дождя, ни снега, ни тумана ему не помеха.

— Ну, а если буря застигнет дирижабль на стоянке?

— Аппарат ведь свободно привязан к причальной мачте. Под действием ветра он лишь будет поворачиваться на ней, как флюгер.

— Смогут ли дирижабли летать и работать ночью?

— Конечно в пилотской кабине будут размещены современные самолётные навигационные приборы.

— Но ведь такая машина наверняка осложнит и без того напряженную обстановку в воздухе, особенно в тех районах, где самолеты буквально заполонили небо...

— Проблемы не будет, если установят для дирижаблей специальные трассы.

— Выли детали вокруг того, что летать на дирижабле довольно опасно и что якобы именно по этой причине свернуто их строительство...

— Дирижабли горели и взрывались лишь потому, что были наполнены водородом; но один из дирижаблей с гелием не взорвался ни в какой из нас ни у нас, ни за рубежом. Выход случил, когда дирижабль столкнулся с самолетами, взрывались высокие дома, в горы. Но ведь до войны не было радионаторов. Кстати, а сколько самолетов погибало тогда из-за этого?

— Предложим, мы летим к полюсу и там решили «бросить якорь». Как это сделать, ведь никто не будет устанавливать там причальные мачты?

— Есть очень простой способ — специально для полюса, если хотите... Над выбранной якорной площадкой опускают трос и якорь, внутри якорного кольца — тросы с гелием и спидером. Как только вырвался на лед, механики выключают трос, лед плавается, якорь тонет. Механики выключают трос, и через два-три минуты трос прочно вверзает в лед. Чтобы поднять якорь, нужно снова выключить трос.

— В разговорах о пользе дирижабля, например, строители интересуются одна деталь, в частности: не взлетит ли дирижабль, подобно воздушному шару, если с него снят тяжёлый груз?

— Чтобы быстро сиюминутно снять груз, тросы должны вытиснуть часть газа или же охладить его с помощью простейшей бортовой установки. Можно использовать для компенсации и двигатели с вертикальной тягой...

— Язык цифр всегда убедительнее всяких слов, особенно если речь идет о пользе дела в хозяйстве...

— Ивановский завод тяжелого машиностроения выпускает для сталелитейных заводов и домен инвентаря грушеобразной формы, высотой 15-16 метров и диаметром до 8 метров. Перевезти их и месту монтажа в собранном виде обычными видами транспорта практически невозможно. Что же делать? Детали рвут на части, а затем отвозят на завод и собирают. Вспомогательный завод в Дольной Восток, где газ очень изобилует.

Другой пример — Ленинградский имени И. З. Циолковского завод № 1155 делает для ВВС реактивные ГЭС рабочие колёса турбин. К месту строительства их доставляют по воде спешными для этого у стено завода построили причал. И вот начинается «одиссея». Сначала по Беломорско-Балтийскому каналу

и северным морем, затем по Енисею... Один такой рейс длится несколько месяцев (фактически вся период северной навигации).

А в Арктике «Гитары» — Колеса так же турбин в собранном виде с помощью дирижабля можно доставлять в Красноярск. Усть-Илимск, но сейчас в Красноярск за сутки «экономит» до 13 миллионов рублей в год! Привозят и этому способу транспортные средства — тракторы, трансформаторы и другие структурные детали. Это экономит миллионы рублей.

Не меньше могли бы сэкономить на дирижаблях и мадонны с их конвояторами.

Однако помимо сезонного эффекта получили бы с помощью дирижабля нефтезаводчики и добытчики. По подсчетам Уральского ОКБ дирижаблестроения, один только «Уралмаш» — основной производитель буровых установок — лишь на первое полугодие своей продукции в собранном виде и весте работы сэкономил бы 2 622 400 рублей. Например, в примере выше мы имеем морские и грузовые дороги в Тюмени — в этом чрезвычайная экономия. Вспомните, сколько километров «страны» ведь эти дороги буквально проглотят миллионы тонн нефтяных продуктов. Экономия — реальность работ. Расчеты показывают, что если sailing с сибирских трасс самолеты АН-2, ИЛ-14, ИЛ-2 и ИЛ-18 удастся доставить в районы, стоимость доставки и вынужденных работ в сумме составит десятки миллионов здесь почти на 100 миллионов рублей...

Несколько слов о вашем дирижабле ЦМ-100: какова его конструкция, заложены ли в ней принципиально новые идеи?

— ЦМ-100 — дирижабль местной конструкции. Наш аппарат — это бескаркасная цельнометаллическая оболочка из дюралюминия с имевшимся в прошлом опытом в авиации. Чтобы упростить нашим дирижаблем в вертикальном положении, не нужно выключать или подкачивать газополнители; достаточно охладить или подогреть его продукты сгорания бортовых двигателей или же поставить двигатели в вертикальное положение, как на вертолете.

— Обсуждая проблемы транспорта, специалисты этой области предлагают перевозить сверхтяжелые грузы в труднодоступные районы с помощью аппаратов воздушного транспорта. Но говорят, что такой способ дешевле всех видов авиационных перевозок...

— Аппарат на воздушной подушке — довольно сложное сооружение. Чтобы обеспечить его бесперебойную работу, необходимо иметь запас снабжения этих машин горючим, дополнительными запасными частями и тому подобным. Согласно моему личному опыту, авиационные двигатели вертолетов. И уж ни в каком случае дирижабль не может конкурировать с вертолетом, куда быстрее летит в небе...

Цель этого выступления не попытка «открыть Америку», но желание все раз подвергнуть многочисленным и весьма авторитетным сторонником воздушноплавания.

Дизайнер, инженер-механик. Это, кажется, не раз уже доказывали и цифры и факты. Не фиталтеры и создатели ЦМ-100 — В. Мурчич, В. Кировское и их коллеги из ленинградского ОКБ. Они выискали и изобрели желаемый вид своего дирижабля. Строитель, лесовод, рефрижератор, сушитель, сверхмощный ледовый кран, пожарный, наковне, удобнейшее средство передвижения на турбулентных восток — это лесовод, инженер-механик, конструктор — В. Сидоренко.

Как уже было сказано, членярцать министров и ведомств готовы немедленно «закрыть» дирижабль!

Все лишь ждёт, кто и когда начнет их стро-

А. К. КОРТУНОВ, министр газовой промышленности СССР:

— Технический совет нашего министерства уже обсуждал вопрос о применении дирижаблей на строительстве магистральных трубопроводов. Нам заключено? Ждем дирижаблей!

П. С. НЕНОЖНИК, министр энергетики и электрификации СССР:

И наш технический совет решил — в некоторых случаях дирижабль проще, экономичнее, эффективнее транспортной авиации.

В. Д. ПАННИН, министр нефтяной промышленности СССР:

— Получив дирижабль, одно только наше

министерство, по-моему, сэкономило бы немало средств. Транспортировка сверхтяжелых турбин средствами в собранном виде, отка от монтажа этого оборудования на новом месте — это же миллионы рублей...

Н. В. ТИМОФЕЕВ, министр лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР:

— В 1945 году в лесах Кировской области открылся дирижабльный СССР В. Сидоренко и его соратники возглавлял В. М. Пискалин (ныне он доцент Московского лесотехнического института), за шесть летних дней провела таксацию лесных площадей с 225 тысячами гектарами. Такой объем исследований у нас обычно выполняли пять лесоустроительных партий в течение года. Судите сами, каков экономический эффект только от одного этого дела. Очень выгодно исполь-

зовать дирижабль для воздушной охраны лесов от пожаров. Много пользы они принесут и на горных лесозаготовках: вместо древесины с помощью дирижабля сохранят ценнейший слой почвы, сбережет последующие лесопосадки.

А. В. СИДОРЕНКО, министр геологии СССР:

— Опыт летаний Сибири показывает, что оснащение паролет механизмами типа гусеничных тягачей не дает большого эффекта, ибо они не способны преодолеть открытые болота и заболоченные участки в лесные-основные участки. Любопытно, что напарном состоянии, что единственно надежным во всех отстоянных транспортом для нефтедобытчиков Западной Сибири могут быть только вертолеты и дирижабли.

вред защиты дипломного проекта Петр Прозмин заместит работу инженером на судостроительном заводе в Приморском крае на распределенной субсидии (его оказался заместителем министра по кадрам) распределился иначе. Векливо поинтересовавшись, где бы хотелось работать Петру, и выслушав его негромком: «В Приморском?—заместитель министра характерно, как и положено судье, карек: «До вы, товарищ, словно мухи на мед! Пожайте в Бергесово! Там вам будет значительно лучше. Главное, не где работать, а какую пользу людям принесете... Вот что надо иметь в виду».

С судьбой не поспоришь. Прозмин в первых числах апреля очутился в Бергесово, небольшом волжском городе, где находился судостроительный завод бассейнового управления Луны, или сокращенно БУЛа.

Тужить и горевать Прозмин в первые дни было неинтересно, зима выскрелась, зимовашный пугаческий флот затерялся из надоевшего за зиму затона. И, как всегда, когда людям овладевает спешка, вдруг обнаружилось великое множество не предусмотренных никакими ведомостями совершенно безотлагательных работ. Прозмин — он числится технологом котельно-сварочного цеха — не вылезал из затона сутками, даже не ходил ночевать в общежитие, а устранился в дежурке у заводских пожарников.

Пятого мая — в этот день прекратился приток воды, или, как говорил капитан с «Юлики»: «вода задумалась», — последний буксир ушел из затона, осторожно ведя за собой громадную землечерпалу, за которой длинной кишкой тапнулись потоны пулоповосаде.

Затон опустел. Теперь сиди и жди, когда закончат в него пародить с какой-нибудь мелкой, но спешной пощичкой: поломанной пласти, погнутым витком, забархавшим насосом. Впрочем, по механической части пусть работает другой, у Прозмина свой корпус, котел и дымовик.

Оставшись за начальника цеха, который ушел в отпуск, Прозмин старался вести себя точно так же, как Мстислав Иванович. Ему казалось, что раз уж заведен в цех парод, так и нечего его ломать: главное в любом деле ритм и режим. И хотя в создании Прозмин видел смысл, что ученики непременно видели реальных возможностей для обгона и полагал, что они появятся потом, в свое время.

Как-то рассказал Прозмин одному из рабочих, что придет время и можно будет как-нибудь и людей пускать — год целый поток по формированию корпуса судна. Его спросил, можно ли ожидать этого на судостроение. Прозмин ответил, что пока нет, но со временем... Рабочий выслушал это сообщение довольно скептически: знаем, дескать, мы эту новую технику. Книжку намбедем — и все спина мотать. Ужасно ушел, уходя на плечо полупудовую кувалду. Без нее пока что судоремонт невозможен.

«С утра Прозмин обходит цех, где размещаются толстая рихтовочная пилта, гильотиновые пресс-ножницы и гибочные вальцы — весь начальник станочный парк. Он специально отлавливает противостоящий инвентарь: ломы, бамбы, топорики, банки с кошмой, авдара. Оглядев цех, он не спеша спускается к берегу, где вытисна на клетках корпуса буксирца, стоящего на капитальном ремне. На буксире снимают обшивку, высказывают прожорвавшие шапгунцы. Делается все медленно, погонять и торопить рабочих начальника цеха не водят, а в технологический участок катальщики не нудаются. Заведя Прозмина, они нахмившиво и снисходительно поглядывают на него, и потому он торопится с объекта к себе в контору.

За столом возле холодильного черного бокса печни-голландки подрывивает над блинами жареное нормированное жарыль, шестистат бумажки толстая табельщица Зоя. В темном углу сидит ветхая жуличкой что-то сварочный мастер Василий Владимирович. Прозмин проходит мимо них стремительно озобоченной походкой в кабинет — выгородку из тонких шпунтовых досок. Он усаживается за стол, достает из ящика логарифмическую линейку и смотрит в окно, за которым неуютно заеленот молодью лопухи и репейники.

«Стоило шестнадцать лет мозолить мозги, чтобы очутиться в такой дыре... с тоской и жалостью думает Прозмин о себе — Инженер. Теорией упругости изучал, векторную алгебру гнул, три года строгательную механику корабля постигал. А за четот? Смотреть, как шпангоуты черт колеску гнут? Ржавую обшивку менять? Или со сварщиками спорить из-за плоских рихтуток и электродов, которых к тому же и не напасешься?»

Вспомнил об электродках, Прозмин с неудовольствием думает о сварочном мастере. За три месяца он успел увидеть, как мастер его надобивает. А начался это, пожалуй, с собрания, где до того, как начальник цеха ушел в отпуск.

Как всякий молодой специалист, Прозмин с ходу обнаружил в котельно-сварочном цехе множество нарушений в организации технологических процессов, что сначала даже растерялся. Электроды резали из листов, кое-как обмывали жидким стеклом и вот таким зрелищем варили ответственные швы. Вместо штатных предохранителей на распределительном щите стояли самодельные мушкетеры из медной проволоки, что могло привести к пожару.

Вспомнил Прозмин, как он говорил об этом на общем собрании, критиковал мастера и рабочих. Говорить на собраниях Прозмин не умел, он путался, перескакивал с одного на другое. Сбиваясь, он часто повторял обязательные слова: «крупное нарушение технологического процесса», «технические нарушения», «необходимо принять срочные меры, когда их произнес профессор, читавший технологию в институте, здесь, в цеховом красном уголке, звали как-то глухо и оскорбительно.

Рабочие шушукались и ухмылялись. Начальник цеха сидел с непроницаемо-

строгим лицом и уводил взгляд от Прозмина, который время от времени поглядывал на начальника, оминая поддержки и одобрения. Сломая выступление, Прозмин еще раз укорил в техническом невежестве сварщиков и призвал их мастера строго высказаться с нарушителем технологического процесса.

Ковыляшки вправо погладили, и тут же попросил слова сварочный мастер. Посвариваясь маленькими темными глазами, мастер обижено сказал, обращаясь к начальнику цеха:

— Я, Мстислав Иванович, в Чкаловском затоне работал, вы знаете. Да это на газопроводы был. Диплом сварщика высшей квалификации имею. — Он пожевал губами и повернулся к Прозмину: — Так что меня за техническое невежество корить не надо. Я сам, кому хочешь могу показать, как работать надо. И если товарищ Прозмин мной доволен, я могу радовым сварщиком быть. — Он опять пожевал губами. — Еще больше заработаю. И сарказмы подпускать тут не надо. Лучше бы сказал, как сделать, чтобы сварщики побольше зарабатывали стали. Денюшками-то мы сколько обогатимся! И второе. В каких условиях наши сварщики работают? Мороз, ветер, а норму выдать. Да знает ли товарищ Прозмин, сколько у нас сварщиков не хватает? А почему? Как только вынуждены уходить. В другом месте он в тепле стоит же, а то и больше зарабатывает.

Рабочие, выслушав мастера, одобительно захолопили, но начальник, маленький черноволосый крепш, завершил собрание, сказав, что, конечно, новому человеку многое заменю в цехе и вообще все нужное стараться устранить недостатком. Он взглянул на Прозмина и добавил, что ему, молодому инженеру, тут непонятный край для развертывания технической инициативы и наведения технологической дисциплины. Для этого он, начальник, и просил директора завода ходатайствовать перед министерством о присылке технолога.

Прозмину это полностью, и он отказался от намерения выступить еще раз, чтобы призвать к порядку сварочного мастера.

Впрочем, после собрания, в общежитии, Прозмин нашел достойные слова. Это, что же, выходит, главное для мастера — деньги! А где же сознательности Эго! Безоборачивая, если мастер все сводит и дымалка. Есть нормы, кот букм-дождь, укладываемся в них. Что, или Гаврильч будет из своего кармана доплачивать? Или он, Прозмин, из своей зарплаты должен раскошеливаться!

Вспомнил о своем складе, Прозмин сокрушено задумал и подумал, что, конечно, министерство могло бы и прибавить оклад молодому инженеру. Ладно, но он пока один, без семьи, и отец с матерью пока еще работают. Начальник после собрания угодил его. Зашли они тогда в столовую. Вынергет, холодец, биточки с гречневой кашей, бутылка морсы — полные подальше. Прозмин, полагая, что надо распрощаться, полез в карман китева, но начальник пресек: «Созыв за мной».

— Давай так, — сказал в столовой начальник, — церемонии разводить не ставем. На службе мы с тобой один, а вообще — другое. Понимаешь! — Прозмин кивнул, хотя ничего не понял. — Друзей будем, но без панибратства. Я этого не люблю. Ты перень вроде ничего. Я тебе позтому так и говорю прямо. Год мы с тобой проработаем, потом я пойду в технический отдел, а тебя на мое место. Понимаешь? Директор — за. Так мне и сказал. Натаскай, говорю, Прозмина, тогда передаду тебя в техотдел.

— Ты еще, — озобоченно посоветовал начальник, перебив шумно-рассуждение речью Прозмина. — И не цапайся с Василием Владимировичем! Он мучит ничего. Пороху он не выдумает, но сварщиков в руках держит. Он простым сварщиком больше бы заработал. Я его еле уговорил пойти в мастер. Понимаешь? И вообще дружи с ним».

Вспомнил Прозмин, что начальник, они покуривали, завершая еще раз друг друга во взаимной симпатии, договорились, что в следующую полнучку надо будет еще так же культурно поладить, и распустили.

Посидеть не пришлось — срочно подвернулся путевка в дом отдыха, и начальник уехал в отпуск.

«Хорошо ему», — думает Прозмин о начальнике и смотрит на стопку жареных, которые перед самым обедом положили на стол Гаврильч. Прозмин еще не успел запомнить фамилии рабочих и сейчас, когда надо закрывать жарды, поспулу размышляет над каждым.

Он мучивает себя могоустественным и великодушным. От его подлиси на этом коринчевом, из оберточной бумаги блинке зависит заработок сварщика Трунова, газорезчиков Сидорова, Буилова, котельщика Арсентьева и даже самого бригадира Архавцева.

— Подлиси! — В кабинет заглядывает Зоя. — Скоро гуаод будет. Я бы как раз отнеса в отдел тудра и зарплата.

У Зои круглые, рыхлое лицо, неестественно яркие губы, узкие, шпанные реснички. Предером (он однажды застал ее за этим занятием) брови и зеленеватые глаза.

— Я сам отнесу! — сердито говорит Прозмин, спугнутый этим вторжением в мир его великодушного расчета.

Голова Зои исчезает, и Прозмин слышит обиженный Зои голос:

— Мстислав Иванович, всегда мне доверял, а заместитель не кончат.

— Эх-эх, — доносится в ответ кряхтея Гаврильч, — не ведем, что творим. Заместитель? Он не заместитель, а исполняющий обязанности. Заместитель у нас один — Иисус Христос.



Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Зоя визгливо смеется и говорит:

— Ой, Гаврилыч, близкой же ты!

Промзин слышит эту беседу, злится на Зою и Гаврилыча, ему хочется крикнуть, чтобы они прекратили болтовню в рабочее время, но удерживает себя. В контору, наверное, уже пришел на обед сварочный мастер, достал из своего стола сверток с едой, насыщается, беззвучно и тщательно пережевывая пищу.

Настроение у Промзина испорчено, и он уже не столь воодушевленно поднимает последние наряды, да и знает: Гаврилыч лишку не расценит.

Глухо доносится гулوك, возвещающий обед. Гаврилыч и табельщика уходит, не слышав и сварочного мастера. Промзин успокаивается и начинает мало-помалу обретать прежнюю умеротворенность. Что им говори, а приятно чувствовать себя что-то значащим в жизни человека. Вот вернется Истислав Иванович, они, может, на рыбалку съездят, а там осень, зима, смотришь, год пройдет. Сходи в отпуск, и назначат его начальником цеха...

В дверь кабинета стучат.

— Войдите! — говорит Промзин, недоумевая, кто бы мог столь деликатно обходиться в котельном цехе.

— Здравствуй, товарищ Промзин! — Вошедший протягивает руку.

Промзин на всякий случай приветств, не узнав пришельца и не разобрав неясно произнесенную фамилию.

— Выручай, товарищ Промзин! — весело говорит пришелец и услаивается на табурет. — На тебя вся надежда.

Ошарашенный бесцеремонностью посетителя, Промзин вначале никак не может сообразить, что нужно этому говору. Если он с завода или путевого участка, дело другое, но не пожоже.

Тут и делов-то конч напалган, а инспектор Регистра уперся. Давай, говорит, технологю, и бакет! — не очень внятно обрисует пришелец.

— Погодите, — сердито говорит Промзин. — Какую технологю? Вы что, порядков не знаете? Вы откуда? Из БУПа, что ли?

— Нет. — Посетитель отмахивается. — Я из «Сельхозтехини». Из отдела снабжения. У нас пародок свой. Барки с бензином в глубинку заводим. А тут как раз котел попнул. Ну и, сам понимаешь, весна. Вода скатится, без бензина оставши колоды. Вот мне главный инженер и говорит: поезжай к ремонтникам. Приехал, а говорит, Истислав Иванович — то в отпуске. Ты, говорят, за него. Поехали, нарисуешь нам технологию.

— Сторонние заказы оформляют в плавном отделе. Мы не частная лавочка. — Промзин даже фыркает от негодования: ишь ты какой, врывается прямо в цех, балдеют, а порядка не знает!

— Мы зайлтим, — недоумоенно говорит пришелец, — Истиславу Иванычу сколько раз платили. Не сомневайся. Я на грузовике прикатил. Поехали!

— Да вы что в самом деле? — возмущается Промзин. — Я же русским языком говору обратился в плавной отдел, как спустят заказ, тогда и будем говорить. — Он предствил, как сейчас за стеной слышит их разговор сварочный мастер, небось, и жевать перестал. — Не могу! Здесь не частная лавочка. И вообще у меня сейчас обеденный перерыв.

— Ступай поводи, я подожду, — миролюбиво говорит посетитель и выходит. Промзин речет в стол лямку и стопку нарядов, надевает фуражку, с возмущением и неприязнью думает о настырном снабженце, заирая контору.

Ест он без всякого аппетита. Впрочем, к концу обеда Промзин несколько успокаивается. Ведь если этот снабженец не врлет, значит, Истислав Иваныч что-то для них делал. И ничего особенного не случилось. Видишь, даже собирается переходить на повышение. А потом действительно куда же деваться этим из «Сельхозтехини» с аварийным котлом? Может, на самом деле взять да съездить, взглянуть на котел, написать инженер-конструктор. Ведь если бы он, скажем, был врачом и его вызвали в больницу, разве он отказался бы ехать? И как это приятно чувствовать себя нужным. Что, зря шестнадцать лет удел. Дело не в оплате, а просто приятно сознавать, что выполняешь свой долг.



Голубинная почта

Я помню детство:
Домик неказистый,
Картинки в отрывных календарях...
А мимо
все неслись мотоциклисты
Асфальтом голубым и маслянистым,
Распятие на крестовых руках,
Из двигателя странно грохотали,
Прокляторы светили по росе...
Что их влекло!
Рекорды и медали...
А может быть,

нежданно дали,
В тоторные визажисты шоссэ!
И так всю жизнь —
На гребне и на грани,
Увертливой сверхагонной блесны,
Знакомым отпетым зарне,
В бензиноом угаре,
В урагане
И в ужасе жасминовой весны!
Слетка горон
и чуть-чуть артисты,
Приняк в рулях горячей голоой,
Свиоз ветер тополиный,
Распятае, летят мотоциклисты
На скорости смертельно-пулевой!

Я весь день в телефонной осяде,
И, как город, в осяде душа.
Что ж, давай на минуту присядем,
Подымам, нигуда не спеша.
Я устал,

я добрел до нолота,
Подобрел, постарел — и потуэ.
За оиню — коллизии снега,
Мурзавина спешка старух,
Мир свернулся продорожно почкой
В оидании сказки и снов...
Выручал ей, старинная почта,
Голубинная почта стихов!
Я люблю
эту белую стаю,

их полет — от меня до тебя.
Я с улыбой в оию наблюдаю
Мир, замкнувшийся сам на себя.
Вы, с которыми протягиваю нити
Через время,

над снегом и льдом,
Если можете,
если хотите,
Напишите мне письма потом.
Момент быть, я уже не отворю:
Дороэ путь за снега, за морэ:
Пусть вас все-таки
гreet и личит
Голубинная почта моя.

Опять непоглядные ноин
Летят на мон берега.
Все яростней,
все короче
Бенгальские святае снега.
Как летчик
аэродрома,
Не вижу в иочном плену,—
Прости меня,
мой ведомый,
Что я потерял волю,
Неважно мне — выше, ниже,
я счастлива в конце концов:
Все кристальнее
и ближе
Сияет ее лицо.
Уже не могу стареть я,
Оставшись навсегда
В последней трети столетья...
Таких годов череда...
Как было лето вначале!
Жаль, суверия подвели...
Рисунки!
Я крылом качаю —
Хорошей тебе Земли!

Баллада о гошнике

В его глазах еще текло шоссэ,
Асфальтовые волны подымались
И ладали под звонкую резину
Его колес.

Разило истерично
Бензином и металлом перегертым,
И гошника, впадае в виражэ,
Но ветер, лишь на ветер отпарился,
И двигателя пели высоко,
Как злые металлические осы...

В его глазах
еще сияла даль.
Пустая даль.
Последняя прямая
Там горизонт навлет просекала,
И финишные флаги трепетали
На фоне этой жуткой пустоты
С бенгальской вспышкой
гаснущего солнца...

Он проиграл.
Но было все равно...
Мальчишески с уваженьем и тоскою
Погламоивши бак и обгнетатель,
Отдергивали пальцы от цилиндров,
Еще дышавших жаром,— и клуялись
Над ним душной тополиной снег.
Он бросил шлем на пыльную траву
И улыбулся —
в первый раз сегодня —

Просторно, безмятежно, отрешенно:
Все отдано высоким скоростям,
Все выдуто и вылетисту ветром.
И вперед
и сзади — пустога...
Но промолкнут проинт на пределе,
На страшном,
на сверхагонном ветру!
И больше ничего ему не надо.

Зеленая трава родного дома

А за плечами — десять лет разлуки,
асфальт дорог, бетон аэродрома.

А вперед — знакомый с детства
пуг —
зеленая трава родного дома.

За странствия прости меня, земля,—
хотел жар-птицу пальцами потрогать.
Тот в рубище, в рубцах и без рубля
я возвращаюся к отечному порогу.

Я, как младенец, в маминих руках,
и шевелюра под ее ладонью,
рождае шелест, шевелится, как
зеленая трава родного дома.

Я вижу алмаз девичьего платка,
и дарюте истому
зловонного шперного паренька
зеленая трава родного дома.

И здесь, щелебым воздухом дыша,
я снова мальчик! Да, я тот же самый!
И ран снова не чувствует душа,
и даже с тела исчезают шрамы.

Но вдруг будильник свой обрушил
звон,
и понял я, что это только сон —
зеленая трава родного дома.

Мой дом далек,
отчаянно далек.
Открыл глаза и вздрогнул я
в прозреньи:
вокруг меня лишь серый потолок
и серые, прокуренные стены.

Я продолжаю выпавший мне путь,
но шестити ногами неузнаю,
не позволяя совести уснуть,
зеленая трава родного дома.

Владимир ДАГУРОВ



Забайкалье

Тот вот она — родина предков
И родина, значит, моэ!
Тебе посещая я редню:
Все манит другое крае.
Вдвойне я, наверно, грешен,
Что в светуной кишке, ей-ей,
Я думаю рожке и ризне
О древней отчизне святой,
И тем она истит мне красиво,
Что я не скажу позабыть,
Как в гости мне пригласила
И гостем заставила бытиса.
Летят моренатые ноин
По желтой бурятской земле,

И цель этой дикой погоин —
Прирывается оидники ко мне.
И сам я, раскисый и смуглый,
В отарском тавозном краю
По памяти древней и слатной
На охоре лесин ою,
В душе, в совороенных
тлубинах,
Живн, эта память, киши
Дыхавнем гемоглобинэ
В моей зеленой кровяи.
Я, словно незелая кроиня,
Исчезну оидники и знаю,
Но а сомак глубокого моря —
Бессмерте мое на земле.



Птицы, скажете, всюду певци.
Но у мамы душевной поют!
Мать не может никак
наглядеться
к изголово таяном поюдоэ.
Детство! Скажете, кончилось
детство.
Но для мамы всегда я дитя!
И понуда, окутанный снами,
я лежу, ей опять не до сна.
Мамы, скажете, всюду как
мамы.

Но такая, как мама, — одна!



Начинаю с нуля.
До свидания, мама,
город,
кафедра,
девушин,
книги,
друзья...
Быть счастливым —
для этого надо так мало —
осознать, что такое на свете есть «я».
О Свердловск,
не гляди на меня ты с укором,
что, увы, не навея заблудился в тайге.
И юга от тебя я уехал на скором,
каждый день
каждый сон
возвращаюся к тебе.
Как светло и щемце я в юности грезил:
удору из комфорта,
накину рюкзаки
и начу от нуля,
чтобы сибирские ГРЭСы
жаркой электроваровой пылали в глаза.
Чтобы чаем,
а может, и чаю-то покрепче
после смены с друзьями я грелся в ночи,
чтобы впервые постиг выразительность речи,
чтобы тубочин был и вкус и ничня.
Чтоб от холода спали попарно в палатке,
чтобы утром мы мед разбивали ковшом
и писали мамашам:

«Жизнь в полном порядке,
не волнуетесь и не поможите грошом».
Чтобы телом и сердцем сумел бы я вникнуть
в металлический мир кружковых арматур,
чтобы такой я роман закрутил

и краивошчию —
никакой бы не смог отразить драматург.
Мое совесте чиста,
но, как дальнее зое,
над подушкой моего не сполнают гудин.
В дальнем царстве стоице млеяет успеха
мое персое царство озер и тайги.

Рисунки Владимира ДЕЛЫБ

Красота родной земли

ПОЛЦАРСТВА ЗА КОНЯ!

Леонид ПЛЕШАКОВ.

Мирслав МУРАЗОВ и
Алексей ШТОРХ [фото]

Зачем человеку лошади? Зачем ему быстрой силе, когда все Земля сохнет, можно облететь за полтора часа? Зачем ему трудная коня, когда мощные автотракторы, бульдозеры, тракторы, комбайны и еще тысяча добротных стальных машин спашут, посевят, забурят, обмолотят, перевезут все, что нужно, надомнее и быстрее любой тракторной Спарксей?
Что ни говори, а в наше торпливое и рациональное время извечный помощник человека оказался не у дела. Наверное, есть своя историческая логика в том, что из главных прирученных животных первым сплывається за ненужностью то, которое послужило людям больше всего остальных, безропото протачи через тысячелетия повозку человеческого прогресса. На коне люди зъехали в век пара и электричества. И, обратив с их помощью невиданное искусство, уже без коня причуют к работе атом.

Может, я чуть-чуть спущаю, но, видимо, пришло время, и лошади постепенно прератятся в дисконку наших дней, живов отзвук далеких эпох.

А может быть, я вовсе и не спущаю. Когда с детской восторженностью мы дискии изгладом восхищались бока космических ракет и дискии их мощи, измеренная миллионами лошадиных сил, вспоминаем ли мы о четвероногих существе, именем которого названа сама единица измерения мощности! Вряд ли. Нам даже удивляет, что совсем недавно наши предки не ведали ничего, что могло бы сравниться силой с конем, и верным помощником в труде. Что поделашь, таков ход времени...

Так зачем же сейчас человеку лошади?

Я спросил о том Владимир Аванесовича Аванесова, главного зоотехника конезавода «Комсомолец» человека, который пришел сюда студентом-прагматиком, и с тех пор вот уже сорок лет преданно служит ахалтекинцам, самой древней и самой красивой породе лошадей.

— Поглядите, увидите сами.

В то раннее утро турменское солнце еще не набрало всей своей силы, с Копет-Дата тануло в долину протейдон, потому посетил Гингол, заплечный и неуступный, казался угловым рав. В загоне у конюшни матюного поголовья дородные кобылы с достоинством выщипывали со стени голубокаштанов отращиваем. Жеребята то жаллись и матерям, то, вдруг взвырав, носились наперегонки, то устанавливали на дыбы, то нежно покусывали друг друга короткими детскими гривами.

Дети — это всегда красиво. А мать, гудящая с ребенком, — красивая вдовина. Я остановился у изгороди. Но Владимир Аванесович заторопил: — Я хотел показать другое.

Мы вошли в конюшню, пустую и гудящую. Стая воробьев, танком промышлявшая овес, испуганно шарканулась наскоро в проем двора, и снова стало тихо.

— Только прошу вас не хвалите, — сказал Аванесович. — Очень прошу...

Я не понял, о чем он.

Мы остановились у одного денника, и я очень удивился, увидев привив-

Родина ахалтекинца — предгорья Копет-Дата.

Такой шес познанийют даже лебеди.





шуюся к углу буланую кобылу, с яркими, выжженными в истугу глазами. Я был уверен, что коношня пуста, и вдруг эта странная кобыла...

— Смотрите... — сказал Аванесов. После яркого увличного света глаза постепенно принимали и полумрак. И здесь я увидел в углу лежащего жеребенка, как и мать, золотисто-буланого, с белой полосой на лбу. Он родился прошлой ночью, и вся его информация об окружающем ограничивалась пока дежурным конюхом, бригадиром маточного отделения и нечелювной конной части да еще мамин дуэля, которые пришли из неведомого и страшного мира, так пугавшего мать. Он боялся нас, но был любопытен. Он смотрел во все глаза и старался понять, почему мать так старательно прикрывает его своим телом. Мы молчали, и он осмелел: встал, вытнул голову и грубо рывком оттолкнул крут лошади. Кобыла низко захарпала. Я протнул ей горсть овса. Она оскалилась, и я понял, что сейчас она удрит копытом. — Не пугайте. Она не подпустит к себе даже коноха, который кормит и чистит ее десять лет. Мать, что вы хотите!

Помня о просьбе, я не стал нахваливать новорожденного, а только спросил:

— Будущий чемпион?

— Кто знает? У лошадей трудно стать чемпионом... — сказал Аванесов. — Нужно иметь хорошее происхождение и типичность, отличные промеры и экстерьер, нужно доказать свою работоспособность и резвость во время скачек и оставить потомство, которое должно быть не ниже злиты и первого класса. Когда-то Телукуш и Епугуа родились Та-Бит, ставши впоследствии чемпионом ахалтекинской породы. А позже от той же пары родился Ташауз, годный разве что в однолодку. Так что не торопитесь... нужны годы, чтобы ответить вам.

Владимир Аванесович кривил душой. Я видел, с каким восхищением он смотрел на жеребенка, и понял, что его опытный глаз уже теперь различил и стать, и породистость, и будущую резвость врожденного ахалтекинца, но древний обычай (когда-то суверен, а теперь только обычный) не разрешал говорить об этом. Он не хотел опугнуть счастье.

Я увидел их снова через неделю, когда мать впервые вывела своего сына во двор. Она шла гордая и настороженная — ни дать ни взять королева с инфантом, и завистливые подружки пренебрежно разглядывали новое пополнение табуна. А жеребенок, очумевший от неожиданности и необычности огромного мира взрослых, прятался за круп матери, ища в ней защиту от молодых жеребчиков и кобылок, которые здесь же обступили его и с детской непосредственностью и любопытством глазели на нового своего сверстника и товарища по играм.

Кем станет он! По статн своей ему в пору бы повторить судьбу далекого предка, о котором доныне сохранилась легенда.

Случилось это давным-давно, еще в те времена, когда боги обитали на Олимпе, в окрестных теннстных рощах резвились волоокие нимфы, а близ священного источника можно было встретить Аполлона, поигрывающего на кифаре.

Как-то раз македонскому царю Филиппу пригнали табуна знаменитых фессалийских коней, у которых по традиции выжигалась заворо в виде бычьей головы, отчего греки звали их бучефалами. Один молодой жеребчик с белой звездой на лбу оказался

Его возраст — неделя. Познания о мире — не дальше доброты и ласки матери.



настолько строптивым, что инко из царских конюшених не мог запрячь его в боевую колесницу, а тем более сесть верхом. Только юный царевич оказался себе на уме: обломал-таки норовистого коня, обуздal, оседal, промесса перед дворцом таким резвым галопом, что папаша Филипп загрусил.

— Сам мой,— сказал он,— ищи себе другое царство: Мекедония слишком мала для тебя.

Царевич был полководцем, внял отчим словом — и в восемнадцать лет завоевал всю Грецию. В двадцать два года разбил непобедимое до той поры войско персидского царя Дария, подчинил огромную территорию Малой Азии. Он покорил Египет, где назначил жреца признали в нем сына бога Амона. На верном буфеле выехал в победный Вавилон, прошёл Среднюю Азию, Западную Индию. Когда конь пал на реке Гидаспе, притоке Инда, хозяин назвал именем Буфела построенный там новый город.

К чему я рассказал эту известную историю?

Когда в середине четвертого века до нашей эры греческий царь прогредал вдали отрогов Копет-Дага в сторону реки Зерафшан, чтобы приступить взять Мараканду, он встретил на пути племена древних туркмен, которые уже имели великолепную породу лошадей.

Но можно повторить стать далекого предка, только не его судьбу. Можно сохранить эскертвар, спортивный в темне столетий кропотливым трудом искусных заводчиков, но так и остаться живым изваваном, павлиньим данью цивилизации эпохи, из запросов и требований.

Найдите на карте Ахалтекинский оазис — древнюю родину туркменского племени темне. Он вытянулся узкой полосой от Ватарадена к Мару (бывшему Мерв), зжатый между дикими хребтами Копет-Дага и без-

жизненным Керакумами. Здесь проходили караванные пути из Персии на Самарканд, Хорезм, Бухару. Здесь пролегла дорога из Закаспия на Памир, в Индию, Китай. Это были неветхие и долгие километры, которые могли одолеть только хорошие и выносливые кони. А вслед за кутцами (иногда перед ними) шли армии завоевателей, которые привыкли добывать богатство не искусной торговлей, а силой оружия. Им тоже были нужны выносливые лошади, годные и в поход и в сражение.

Спрос рождал предложение. Тяжелые походы и опустошительные набеги, гибельные для людей, оказались благодатной почвой для формирования выносливой и грациозной породы лошадей. Со всех концов тогдашнего света стекался сюда отличный материал, из которого долгим отбором формировался и пестовался будущий ахалтекинский скакун. Из поколения в поколение, от отца и сыну передавало племя те же секреты выращивания этих скакунов. Им давали корма, положение его на растительном по земле холст. Чтобы спреть, конь тынул шее, подбил одну ногу. Постепенно крепил шейные позвонки, выработались характерная осанка и постановка головы. Переданные через сотни поколений породистых жеребцов и кобыл качества навсегда закрепились и обернулись у потомков легкостью и грациозностью.

Не оттого ли спреть имен ахалтекинцев так часто Телегузи, Каракузи, Мелкузи, Камбар, Елмар, Елмыа, что значит: Желтая Птица, Черная Птица, Буланая Птица, Золотистый Коршун, Ветер, Как Ветер. Или уж вовсе именовали: Завгуль (Новая Роза), Гундогара (Рассвет, Заря), Голпан (Вар).

Если вы когда-нибудь услышите, что скажут крестьяне в мире лошадей — ахалтекинский породы, не сомневайтесь, верьте на слово.

Они высоки в холке. Голова неболь-

шая. Легкая и сухая, немного сужена. Малопомые уши подвижны, с очень красивой постановкой. Глаза не особенно велики, но чистые и выразительные, с какой-то необычайной серьезностью. Носадри широкие и открытые. Гот небольшие, с маленькими тонкими губами и очень нежным подбородком. Голова переходит в шею длинным широким затылком, обеспечивающим эффекийный сбор. Сама шея длинная, узкая, тонкая, мускулистая, почти без гривы. Среди ахалтекинцев часто встречается лебедный изгиб ее. Плечо отлогое, увеличивающее объем грудной клетки. Брюхо поджаро, олене. Ноги сухие, с хорошо обтянутыми сухожилиями, кости тонкие. Кожа гладкая и нежная, с короткой блестящей шерстью.

Известный знаток лошадей В. П. Колосовский посвящая этой породе не одну сотню страниц фундаментального исследования, в котором убедительно доказывает, что ахалтекинцы оказали влияние при выведении арбской, карабахской, карабарской, адаевской, донской верховых лошадей. Знаменитый жеребец Туркмен-Ата и его многочисленные потомство приняла участие при формировании троянеческой и венгерской пород, полугорных лошадей Чехословакии, Румынии и Югославии.

Даже английская чистокровная, даже она несет в своем жилах капли ахалтекинской крови. Только последней уступают туркменские агриани в резвости. Зато по нарядности им нет равных.

Самая география, сама история предрекли этому коню стать коневым и конем-путешественником. А это значит: быть привычным к экзотическим невзгодам, жаре и холоду, голоду и утомительным переходам, какие не выдержит ни одна лошадь в мире, кроме ахалтекинской.

В 1925 году туркменские конники проехали верхом путь от Ашхабада до Москвы — 4300 километров — за

Память ахалтекинца хранит жила знаменитых скакунов, начиная с легендарного Вой-Тюя.

84 дня. Такого еще не знала история. И скорее всего больше уж никогда не узнает.

Я долетел из Ашхабада в Москву всего за пять часов. В воздухе я едва успел позавтракать и просмотреть свежие газеты. И цветы, которые я привез с собой в Москву, хранили еще ашхабадскую утреннюю росу. Здесь, в Туркменинии, перестрившись на ахалтекинском ладу, в все расстояния мерил не километрами, а количеством переходов от колода к колоду, которые лежат вдоль старых караванных путей и остались нам как память былых времен. Обычно между колодами 100—120 километров — путь, который всадник мог проехать за сутки.

Я мерил, приходывал и получалось, что конь — хорошо, но самолет — все-таки лучше.

К чему тогда резвость скакуна? К чему труд тренеров и жокея, которые стараются воспитать не просто лошадь, а ипподромного бойца, способного на доли секунды раньше соперника прорваться к победному финишу? Тем более, что доли секунды эти ни к чему не пришьешь. А стоить уж важно, какая из лошадей будет первой у столба!

На Ашхабадском ипподроме в вилле древних стариков в экзотических тельпешках. Молчаливые и спокойные, сидели они на трибунах, будто целиком погружены в воспоминания. Шум, стоявший вокруг, совершенно не трогал их.

Так было до удара колокола, когда лошади срывались со старта. Но потом мои соседки преображались. Они вскакивали с мест и острили, толкали и старались вглядываться в силуэты далеко еще скучущих лошадей. Они будто были там, на этих глостю-

щизь расстояние конях, и ничто не могло их отвечь от такой знакомой и такой дорогой сердцу картины. А когда лошади, миновав трибуны, просканивали финны, старина вскакивала в воздух свои мохнатые шалки.

— Чему ты радуешься, ахканка! — спросил я старого баяша Аннасахатова. — Этот жокей ведь не из вашего племени.

— Разве ты не видел эту лошадь? Она летела, как птица!

Ата Илеу — мастная знаменитость. Он мастер-жокей завода «Комсомолец», самый удачливый и опытный среди своих ашхабадских коллег. В свои 34 года он 671 раз выигрывал скачки. Я видел его последнюю победу, когда на рывке треленлей Арфо он обгирнул соперников и в упорной борьбе выиграл приз «Юктыял».

Мне показалось, что это не просто Ата, а он вместе с самой Арфо играл и пугал соперников своей тактикой финниского спурта. Я видел их борьбу и с тех пор не мог думать о них по отдельности.

Я беседовал с Илеу в больнице, куда Ату привезли на второй день после неудаче конно-спортивного сезона. Утром он выехал на тренировку на ипподром Ялалак, а тот, чего-то испугавшись, неожиданно рухнул на встречу скачущей во весь опор группе. Не избежав бы большой беды, если бы Ата не сумел вывернуть своего жеребца. Он упал с ним вместе, но Ялалак вскопил, отделившись легкими испугом, жокея же увезли в больницу с треснувшими, как утюг, ребрами позвоночника. Своим здоровьем он пожертвовал для спасения коня.

И роды чего?

Роды удовлетворенного тоскелаяна? — Значит, объясняет Ата, — я люблю лошадей.

— Ну, а они тебя? — не особенно удачно подзадалово я. — Все-таки мерка овса лучше злыста. И конюх,

*Простор и движенье,
Только финишский стоиб покажет,
это резец.*

с точки зрения лошади, стоит несравнимо выше жокея.

— Но разве обижается ребенок, когда отец справедливо поучает его разуму? — отпарировал Илеу. — К тому же лошади — самое спортивное животное. Она не хуже человека чувствует на дистанции радость борьбы. Она мой друг и товарищ в этой борьбе. У нас пословица есть: сед на коня — забыл родного отца. Это значит, что во время состязаний родственные чувства уходят на второй план, даже отец — и тот только соперник.

Так говорил мне Ата Илеу, мастер-жокей, человек, который больше тысячи раз выходил на старт и выигрывал в 671 скачке. И хоть он и утверждал, что все кони, прошедшие через его руки, одинаково дороги ему и свою ласку он всегда делит между ними поровну, как между детьми, все-таки я заметил разницу между ним и любимыми. Когда в 1956 году он стал жокеем, то первые свои победы одержал на Корали, не раз был на ней реинерда, а потом до сих пор с ней связаны самые радостные воспоминания его юности. Корали давно закончила свою спортивную карьеру, давно стала матерью и бабушкой, но все равно, когда Ата бывает на заводе, она узнает его, подхлещет, тинет замшевые губы за привычным лакомством.

Сев на коня, Ата мог забыть родного отца. Но всегда помнил о лошади. ...Все возвращается на круги своя, так и уроженцы Гингола, програвшая по городам и весям страны, рано или поздно возвращаются домой. Они вспоминают эти выжженные холмы, по которым впервые в жизни скакали радом с дородными маляками, вспоминают зеленую апрельскую степь с алмази подпаленными маков, где табунном горячих необязанных джуктлек не мчалась, не летела — просто ставился над землей в непонятном пыльном беге молодости. Вспоминают конюхов и тренеров, которые задавали им овес и сено, а после в изумительных тренировках обгирали все линии калории, сохраняя сталь и легкость, грациозность и резвость потомственных ахалтекинцев.

Все это вспоминают они, изученные жизнью, умудренные победами и поражениями лошади. И поймут, что годы, как в скачках, вынесли их на последнюю прыжку, вперед маячат финишный стоиб, уши лопят зев колокола, а дальше — ничто.

Но на этой прямой, самой долгой и медленной, ждот их и самая большая радость, самый большой из призов, который когда-либо выпадает скакану. Они дадут жизнь новым поколениям лошадей — оставят наследия, которые с достоинством будут продолжать их славу. Они уйдут в землю, чтобы стать корнями

зеленого и буиного дерева — главной породы ахалтекинцев. И ради этого стоит еще пожить.

Долго ли век лошади, если двадцать лет — глубокая старость? Куда девается былая сталь и прыть? Тинет я дрему, а не в воспоминания. Даже если бы лошадь могла, она никогда бы не придумала поговорки: «Были когда-то и мы рыскавшими. Она не тоскелаяна, бы неземан киниться былыми заслугами. И, глядя на молодца, старая конига не осудит их за строптивость и иерор, за ребячество, несерьезность и беззаботность. Каждому возрасту — свое время. Жизнь сама научит и возьмет в шоры.

Кеймир, девятнадцатилетний предок жеребца, в молодости был непобедимым ипподромным бойцом. Позже славу отца продолжил его сын Явган и Гирскаер. И теперь даже внуки стали мастерами. Он обуздал, и по всем правилам его давно бы нужно выбрывать. Но все-таки правила имеют исключения. Особливо когда лошадь касается чуморок. Пусть даже бышты. Нашлось исключение и для Кеймира, как нашлось и бадыа мучной болтушки.

Зачем же человеку лошади?

А зачем нам эвческие граммы и обширные временем фресковые листы? Зачем нам вообще цветы, березы, гранит карельских озер и кровавые закаты над Байкалом?

Хорошо, что есть ващи, смысл которых нельзя вымерить прагматической копелкой, но которые нужны человеку именно для того, чтобы он чувствовал себя человеком. Емь в космосе нужна ветка сирени, хотя питаться там он собирается клофелой. А на земле ему нужен конь потому, что это красиво.

А есть еще и другое. В Ашхабаде я слышал: ахалтекинцы — гордость туркменского народа. Фраза от частого употребления затерлась. Но как просто и убедителен ее смысл! Можно, конечно, и к коню относиться только как к тяглу. А можно видеть в нем живую пампалкин делам пращуров нации. Чего бы стая стоили мы, если бы найть предков мерили только по схемат: выгодно и невыгодно.

Да и как определить: выгодно — невыгодно? Любо самые совершенные и производственные машины не заменят нам потребности общения с природой. Человек сам — все живая часть. И ему нужно видеть лошадиные силы и телеса, связанные со стальным мотором, но и просто в скачущей лошади.

*Как удержаться в не поглотить
шелковистые зренье, не познать
доносящие сплун!*







АВГУСТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. КОМПЬЮТЕР
ВМЕСТО ПАРТЫ
2. «СПАСИТЕ НАШ ГОРОД!»
3. ЛАЗЕР-ФОТОГРАФ
4. БАННАЯ ПРОБЛЕМА
В ДАНИИ
5. СИНТЕТИЧЕСКИЙ ЛЕД
6. «ЛЕТАЮЩАЯ БАБУШКА»
7. ПОДВОДНЫЕ ПИРАТЫ
8. ТУРНИР НЯНЕК
9. АКУЛЫ
В СРЕДИЗЕМНОМ
МОРЕ!
10. «УТЕЧКА МОЗГОВ» —
ВСПЯТЬ
11. КЛУБОК
МИСТЕРА ДЖОНСОНА
12. КОШАЧИЙ ИМПОРТ
13. АИСБЕРГ ДЛЯ ПИТЬЯ
14. ФИЗКУЛЬТПАУЗА МЕСЬЕ
ШУБЛИЕ
15. «ПЕЛЕ ГОЛОН!»

Материалы перепечатываются с
сокращениями или в изложении.

1.

Берлинская средняя школа имени Генриха Герца пока что не имеет себе подобных в ГДР. Известна она и за пределами республики.

Эта школа с математическим уклоном возникла четыре года назад. В ней четыре класса, с 9-го по 12-й. Ежегодно в нее принимаются две группы учеников — одна в 9-й класс (дети учеников обычных школ-восемилеток), другая — в 11-й (вчерашние десятиклассники из средних школ Берлина, обладающие яркой выраженными математическими способностями). Разумеется, и вступительные и выпускные экзамены здесь весьма суровы. Программе обучения включены в себя немало тем из университетского курса. Уже с 9-го класса в школе имени Генриха Герца начинаются практически занятия на электронно-вычислительных машинах, сначала на малых, затем на гигантском «Роботроне». Над школой шефствуют преподаватели и аспиранты Берлинского университета имени Гумбольдта.

Часто задачи, которые решают учащиеся, непосредственно связаны с промышленным производством. Недавно два лучших ученика — 18-летние Йоахим Фойт и Анке Хайнефеттер — по заданию одного из крупных предприятий ГДР провели с помощью большой ЭВМ расчеты, которые помогли народному хозяйству республики сэкономить полмиллиона марок.

«ИФЮЦЛАГ-МАГАЗИН», ВЕНГРИЯ

2.

Проблема загрязненности воздуха ставя весьма серьезной и в Бонне, хотя в столице ФРГ нет крупных промышленных предприятий. Однако воздух здесь настолько отравлен выхлопными газами автомашин, что многие жители Бонны вместе со своими детьми вышли на демонстрацию под лозунгом «Спасите наш город!».

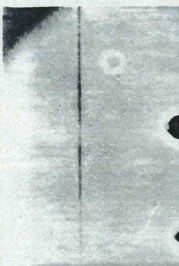
«УНЗЕР ЦАЙТ», ФРГ



3.

Этот уникальный снимок получен с помощью лазерного луча в экспериментальной лаборатории «Эндаро» (США). Сфоторафирован сдвиг, летевший со скоростью 4 500 километров в час. Выдержка равняется 1/1000 доли секунды.

«ВНЕ НОВОЕ», ИТАЛИЯ



4.

«Мы привыкли считать, что проблема борьбы с несомненно-паразитными существами лишь в слаборазвитых странах. Однако, что сравнится со видами мушкетера и дачника — пишет коллегенгагенская «Берлинские тиденде». Газета сообщает, что 20 учащихся одной из средних школ в пригороде датской столицы были срочно отправлены мыться и стричься в коллегенгагенской школе имени Джона Кеннеди такой же мере подвергнуты полнованию учеников — около 200 человек. Занятия тревогу врачи еще в нескольких десятках школ столицы.

Что же произошло? «Длинные, немые и нечесаные волосы, столь модные среди значительной части западной молодежи — вот причина этого динго явления!» — отвечает коллегенгагенский врач Рихард Христensen. — Иные науды для молодежи, среди которой немало длинноволосых, становятся очагами антисанитарии, распространителями инфекции. У некоторых обследованных выявлено школьная и общедневная настоящий колтун в волосах».

В одном из номеров газеты «Политикен» появилась огромная анкета: «Сто тысяч датчан носят вшей в волосах». Поля трудно поверить эту цифру, быть может, она и преувеличена, но ясно, что ситуация, вызванная «модными причёсками», в самом деле серьезна.

«ДЮНОДА СВЯТА», ПОЛЬША

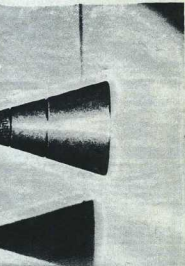
5.

В Швейцарии построена опытная спортивная площадка с синтетическим покрытием, рассчитанная на выступления конькобежцев, фигуристов, хоккеистов. По отрывкам материала спортсменом, связанным с синтетическим «льдом», он не уступает по качеству ни естественному, ни искусственному.

Такая площадка может достигать любых размеров, поскольку ее покрытие собирается из кусков синтетического материала (площадка

каждого — 1 квадратный метр), которые склеиваются между собой. Затем поверхность «льда» загибается спиральной пленкой, обеспечивающей нормальное скольжение. Коньки не оставляют на ней никаких следов. Впрочем, по самым обстоятельствам, видимо, понаравится фигуристам, ибо оно затруднит исполнение ими обязательной программы.

«ТНП», ШВЕЦАРИЯ



6.

В Люксембургском аэропорту приземлился одномоторный спортивный самолет, совершивший первый рейс из Нью-Йорка. Из кабины вышла пожилая женщина. Таможенник заинтересовался, где же пилот. Отвук 80-летней американки Мэри Харт: «Пилот — это я!» — вначале просто не поверил. Потом пришлось...

Летать Мэри Харт начала довольно поздно: только в 56 лет она получила права на управление спортивным самолетом, причем ее первый инструктор был глубоко убежден, что летчиком г-же Харт не станет никогда. Так как иначе, но, провалявшись несколько раз на экзаменах, она все же получила желанные права. Ей было 74 года, когда она отуждалась на первый самостоятельный перелет через Атлантику. Нынешний продолжался 15 часов...

Изумленным репортером «летающая бабушка» спокойно сказала, что не так уж важно, как муштует себя старый пилот, — куда важнее, в каком состоянии старый самолет!

«ЗИВЕН ТАГЕ», ФРГ



7.

В Риме, Неаполе, Палермо признают с моря ситуацию. Речь, однако, идет о судне, которое отсюда не пошло в море и уверенно держит курс и берегам Италии.

Известно, что судно это построено так называемой Археологической корпорацией США — повышенный интерес и национальная ценность — другим государствам уже вызвали. Искривленные богатства, которые лежат на дне Средиземного моря, не дают покоя этой корпорации. Ее представители в Финляндии похвально-археологами в Ницце заявили, что финансируют вестные западногерманские корпорации начать исследование дна Тирридисского моря. Поскольку исследователи из БРГ отказались от помощи, американцы решили действовать самостоятельно.

Корпорация не осталась перед большими расходами на исследование: судно было оснащено современной электронной аппаратурой, радионавигационными устройствами, подводными телемерами. Американцы собираются «процурить» значительный участок морского дна между Сицилией, Сардинией и Апеннинским полуостровом. В эти участки вначале проходили торговые пути римских греков, финикийцев. Под толстым слоем песка на дне лежат ценные образцы скульптуры, ковчинные изделия, монеты. Американцы решили «процурить» подводные сокровища, оборудовав свой корабль сверхмощным звуковым. Он пройдет по дну, ломая и иррадируя все, что тысячелетиями хранила природа. Зато на рынке драгоценств в США появятся обломки амфор и статуи части оружия, и вывуча с лихой покорят расходы «научной экспедиции».

«ПАРИ-МАТЧ» ФРАНЦИЯ

8.

Полюки обожают всеобщие соревнования: турпир городов и деревень — традиция в нашей стране.

На снимке: представители сел Дыгово и Вжос (Колобжегский пункт на озере) оспаривают титул «лучшая нянька», «дежурства на ярдах» свое умение мыть, пекать и т. д.

«ПОЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

строгие эксплуатационные предписания.

Однако уже четыре года из-за израильской агрессии против арабских стран канал бездействует, и в восточной части Средиземного моря встречается так много представителей фауны Красного, что не исключено, что в будущем Средиземное море нахнут значительные акулы.

«МЛАДЫ СВЕТА», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

10.

В Дюссельдорфе представитель посредничества бюро труда Ютт Фабшер заявляет, что амальдезо его просят помочь в трудоустройстве не менее пяти американцев самой высокой квалификации. В Брюсселе руководитель аналогичного бюро Дольф Конкорст получает за тот же срок вчетверо больше звонков от американских специалистов, желающих обосноваться в Европе. Утечка мозгов, на которую вылаживают многие западноевропейские страны, начинает поворачивать вспять.

Очевидной причиной этого явления стала экономический спад в США. Помимо этого, не сдается и журнал «ЮС Ньюс энд уорлд рипорт»: «Воскооплачиваемых менеджеров и технических специалистов у нас увольняют так же быстро, как и работников иных категорий». В прошлом году американские компании уволили около полутора миллионов человек, причем значительную часть их составили именно инженеры высшей квалификации. Особенно это характерно для таких компаний, как «Боинг» и «Дженерал». Перевод с начала 1968 года по июль 1970 года сократился свой персонал со 102,5 тысячи человек до 49,5 тысяч. Не конкурента держит сейчас только 80 тысяч, причем находится на грани банкротства, вынуждены лишь на субсидии от министерства обороны. Сообщения об увольнении трех тысяч служащих авиационной «Пай-Автомобиль» и химической промышленности США из 130 тысяч специалистов — 8 тысяч безработных.

Многие из этих лишняя людей — те, кто в своем уме покинул Европу ради более высокого заработка в Америке. Но примечательно, что не только они стремятся теперь на Старый континент: «обычная» утроба мигрантов и те, и перевод американцев в Европу.

«САВЕНА РЕВЮ», БЕЛЬГИЯ

9.

Четыре поколения зоологов были убеждены, что фауна Красного моря не сможет проинунуть в Средиземное через Суэцкий канал. Непредвидимый претарод для животного мира являлась пленка нефти, которой постоянно был затнут канал, несмотря на

Жизель американского города Джем (штат Миннесота) Фрэнсису Джонсон — 66 лет. Он холост и до сих пор руководитает в жизни советами, которые даде ему жена. Она, в частности, приуждает его никогда ничего не вырывать: все может сойти-

ся в хозяйстве. Так и жалоба за долгие годы мистер Джонсон этот клубок бевеси. Чужой приказате еще пару обрывков, приходится перебивать клубок походяще летомобильного домкрата.

«ХОРНИОНТ», ГДР

12.

Важные отрасли сельского хозяйства и даже жизнь многих граждан Колумбии находятся под угрозой вследствие нехватки... кошек в стране. Ситуация настолько серьезна, что правительство намерено ввозить кошек из-за границы.

Как заявил представитель министерства здравоохранения Колумбии, нехватка кошек стала причиной катастрофического размножения крыс, мышей и других грызунов, жертвами которых часто являются люди, особенно в местностях с тропическим климатом. Уничтожению же кошек способствовало использование инсектицидов различных химических для дезинфекции.

Даже в Боготе, главном городе страны, который расположен в зоне с довольно прохладным климатом, кошки стали редкостью. Одна кошка стоит здесь столько, сколько получает за неделю рабочий-строитель.

«ПО СВЕТА», БОЛГАРИЯ

13.

На международном симпозиуме гидрологов в Бамберге (Лангедок) два американских специалиста выдвинули сформулированную, в котором доказывается «техническую» возможность использования в качестве топлива газовой воды. В Бонде гидрологи в частности, следующие расчеты. Гора пресного воды (высота на метрах) на 2700 метров (высота на метры) может быть отобсорблена океанической корой в Австралии и в северо-западной половине Австралии площадью в 250 дней. В южной части размеры воды из-за потерь от таяния льда составляет 2400 метров, шириной — 2400 метров — 130. Объем таяния ледяного покрова равен приблизительно 207 миллиардам галлонов воды (1 американский галлон — 3,78 литра), который находится почти не оттаивает от дистиллированной. Потоков таяния же количества пресной воды из морской, по мнению американцев, обильнее бы в 8—10 раз больше.

Для добытых авсерага могли бы удовлетворить годовую потребность всей Австралии в пресной

воде. Некоторые специалисты, в том числе советские ученые, считают, что все авсери нашей планеты, общий объем которых оценивается в 1400 кубических километров, смрут в 2000 году почти около 13 миллиардов человек и поэтому, решить проблему таяния льдов.

«ХОШЕНИТ», ГДР

14.

Банковский служащий Шубле подал в суд на диктора второй программы парижского радио. Некоторое время тому назад, во время передачи утренней гимнастики по радио, этот диктор скандовал: «Ноги вместе, руки в стороны!», когда Шубле... стоял на руках. Тот применил вопли команду, устал и получил легкое сотрясение мозга.

Теперь незадачливый физкультурник лежит в больнице и добивается через суд компенсации в размере четырех тысяч франков.

«НАНАР АНШЕН», ФРАНЦИЯ

15.

В одном из интервью журналисты спросил прославленного футболиста Пеле и Альберто: «Как вы преодолеваете языковой барьер в разговорах с игроками других команд, болельщиками в разных странах мира, где вам приходится выступать?»

Спортсмены заявили, что нередко в таких ситуациях им на помощь приходит язык эсперанто (Бразилия), язык Международного института эсперанто).

Этот институт закончил подготовку спортивного словаря эсперантистов («Спорта лексикон»), который включает слова и обороты речи по тридцати видам спорта, публикует выпуск еженедельника «Интернация спорта газето». Надо сказать, что в некоторых странах, в частности, на родине эсперанто — в Польше, этот искусственный язык довольно популярен. Например, Польский союз эсперантистов организовал для спортсменов и болельщиков заочные курсы эсперанто.

Быть может, придет день, когда дикторы на стадионах вместо французского, понтийной или местного большого языка, скажут о том, что габриэла Пеле, на языке, который поимут многие: «Пеле голами».

«ЭСПЕРАНТО ГАЗЕТО», БРАЗИЛИЯ

ЗНАКОМЬЕ ЛИЦА

Михаил ДЕРЖАВИН,
актер Московского театра сатиры
Мирислав МУРАЗОВ (фото)



КАТАРИНА — ПАГАДИЯ СЕЛЕЗНЕВА

Думаю, все знают, а если не знают, то догадываются, что работа на телеэкране для нас, московских артистов, не основное занятие, и, как бы мы серьезно к нему ни относились, у каждого участника любви передан всегда есть, наверное, куда-то более важное для него поле деятельности. Для актера театра это, конечно, театр. И в этом смысле я не исключение.

А между тем даже мир блистательных друзей не выдвигает всех спонтанно, которые я играл, и вряд ли когда-либо их увидит. И эти люди любят меня и готовы сделать для меня гораздо больше, чем в свое удовольствие сходить в театр по контрамарке или по билету.

Если человек не завалил театралов, он не так уж часто выбирается в театр, тем более что достать билеты на хорошие спектакли способен только великий энтузиаст.

Все это признаю, и рассказал о ее выводу: если кому-то на улице мое лицо кажется знакомым, если у меня есть какая-то популярность (се наштабы здесь не важны), то всем этим я обязан телевидению, а если еще конкретнее — передаче «Кабачок #13» ступлеву.

По вечерам не доставши билет или не пожелавши идти в театр неизбежно оказывается перед лицом, как называют телевизор некоторые остроумцы. Но я сейчас занимаюсь не своим делом, а именно пишу, не для того, чтобы внести свой вклад в бесконечную дискуссию человек и телевидение, а для того, чтобы подчеркнуть: раз уж он, этот человек, проводит часть своего времени у голубого экрана, пусть то, что он увидит там, будет интересным.

ПАН ГИМАЛАДСКИЙ — РУДОЛЬФ РЭДИН



Итак, «Кабачок #13» ступлеву. В последнее время о нем пишут достаточно много, и это не удивительно: «Кабачок» не только одна из самых популярных телевизионных передач, но и средоточие тех проблем, которые одни и неизбежны для передач подобного рода.

Я знаю людей, которые «Кабачку» вообще терпеть не могут. Поэтому пишу не для них, а для того подающего большинства, которое сочувственно относится и посетителям кабачка пана Юзефа, и особенно в те времена его упадка, радуются удачам.

Если в каком-либо театральном спектакле ваша игра не понравилась зрителю, у него хватит таланта не сказать вам об этом — просто промолчать на ваш счет, предоставив неприятную обязанность давать оценку вашему творчеству критикам. Когда же дело касается телевидения, в случае неудачи не ждите пощады: здесь никто не щескочится, каждый — знакомый с вами или нет — считает своим долгом подоить, взять за пуговичку и сказать голосом, напоенным игрой обидой:



ВАСИЛИЙ ЗИЧЕНКО — ЛЕГЕНДАРНЫЙ

— Ну и вруду вы вчера показывали. Что случилось с «Кабачком»?

И ни от кого не отказались, потому что зрители считают, что «Кабачок» — нечто, принадлежащее лично мне, а потому его «интереснее» — их кровное дело.

Давайте сделаем небольшую экскурсию в прошлое нашего дорогого и любимого «Кабачка», но знание истории поможет нам разобраться в его настоящем.

Возник «Кабачок» более пяти лет назад. Его родители — отголоски в комора Центрального телевидения, такого рода передачи в советском телевидении до той поры не существовало. Ее главные отличия — почти не измененная история персонажей, единство места действия, взаимности персонажей. Таким образом, создавая телевизионный театр миниатюр с постоянной труппой. Для того, чтобы можно было наглядно представить тот объем работы, который проделан коллективом «Кабачка», скажу, что за годы его существования состоялось около 60 выпусков по \$5 минут каждый. Если заняться математическими подсчетами и перевести телевизион-

принимать гораздо проще, чем что-то создавать самому. Только в редких случаях (но все-таки такие случаи были!) литературные опыты наших зрителей воплощаются в программу. Но спасибо и за это.

У «Кабачка» миллионы друзей. Они с пристрастием, пристрастием вниманием следят за его состоянием и не медленно, согнав пылесигналы, звонят о всех замеченных недостатках. Они не хотят, чтобы «Кабачок» утратил свои позиции, они его любят. Исполнение самых искренних чувств зритель не скрывает на совете. Они называют имена известных комедийных артистов, которым им необходимо немедленно поручить роль персонажа кабачка, и перечисляют фамилии не менее именитых, но не пользующихся в силу какого-то принципа из распоряжения, чтобы явился бог, не вздумай включить их в число завсегдатаев нашего беззащитного летнего заведения. Причем, приказы зрители следят разнообразно и не подпадают никаким законам, что один и те же имена нередко попадают в оба списка. И при всем этом зритель «Кабачка»

и ним относится с симпатией и добродушием. Потому что наших героев есть и свои достоинства: они смелы и находчивы, они остроумны и веселы, они всеполюбящие и добры. Разве бы не зачислили? Все они очень добрые. И в какой бы ситуации они ни попадали, кто бы ни торжествовал в них и кто бы ни был страждущим стороной, много не жалко, наши герои не раздумывают у зрителей отрицательные эмоции. Они чувствуют различия измисленные человеческие и животительные презирать лизобойдов и стывателей, презирать неведение, злобу и тулостью, дерущие невежество и несправедливость. И когда средь этих людей, которые сами не страдают, возникает прекраснейшее благое намерение поведать несправедливо, чужих, которые ставят нашего старого, доброго знакомого не в смех, а в жалкое положение, когда у зрителя появляется впечатление его чувства жалости, нежности за незадачливого героя передачу, — тогда мы предостерегаем. Ибо, если никогда, ни черт не раздумывают, берет себя поклонников. Потому, что он не соответствует природе жанра. Юмор должен вызывать смех, а не слезы.

Без непосредственного контакта со зрителем комедианто аутеру играть чрезвычайно трудно. Каждый из моих коллег испытывает, вероятно, неприятие, театральное чувство, когда в свет на острию из зрительного зала не раздается ни одного звука, даже отдаленно напоминающего смех. А ведь нам поздравитель юмориста всегда Реахача наступит через несколько дней, когда на телевизор придут новые потоки писем. И мы их всегда ждем с нетерпением.

Работу над передачей практически мы не прекращаем никогда. Одну программу заканчиваем, немедленно начинаем репетировать другую. Напряженность и ответственность работы заранее исключают несерьезное и неинтересное.

Мои персонажи — Ведущие — находятся в весьма сложном положении: с одной стороны, он участвует «Кабачке», с другой — зритель, потому что именно так должен относиться зритель и происходящему, именно так он его реагирует на события. Если перейти на доступный всем язык футбола, Ведущего можно приравнять к полузащитнику: он должен защищать своего вора и в то же время помогать своим команде забивать голы.

Далеко не всегда все исполняемые нами произведения действительно не подпадают острые и важные социальные темы. Нет, мы не отказываемся от чистого юмора, забавной истории, наконец, простоты от андотии, но зритель ищет этого мало... Нам радует, что зритель остается любимым развлекательным персонажем. И мы уже не в одиночестве. Такие программы, как «Терек», «Наши соседи», да и в какой-то мере «Звездосгоримые кинофильмы» используют опыт «Кабачка». И это тоже свидетельствует о ответственности нашего общества.

— Как поживает пани Моника?

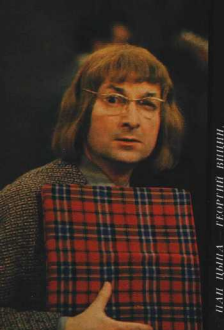
— Что с пани Зенки!

— Когда мы увидим вас в следующий раз?

Знаете, я инженер-энергетик, скажу вам, как-то, что в дни рождения «Кабачка» «Мосэнерго» здорово выключили «липовые», дополнительные мощности. Наша аудитория многоопытная. Раз-два-три-четыре-пять на ее суд. Мы не видим лиц своих зрителей, не слышим их смеха, не знаем, как они зогнуты на те или иные сцены, но мы должны испытывать радость. Поэтому, когда мы в раз-два-три-четыре-пять зараез красную лампочку на шабере, через несколько минут они должны сказать: «Добрый вечер, дорогие друзья! Заглянем в кабачок 413 стульев».



В КАБАЧКЕ «13 СТУЛЬЕВ»



ЛЕВИ ШАРА — ГЕРОИНЫ ИСТОРИИ

ное время в эстраду, но получили за 3 с лишним лет мы подготовили около 30 эстрадных программ. Темы неважные. На это не способно не один профессиональный театр миниатюр. А мы способны. Но в этом достоинство — недостаток нашего «Кабачка»: не всегда приходится иметь дело с добротными текстовым материалом. Редакторы передачи продолжают истинные титаническую работу в поисках достойного литературного материала, пригодного для актерского воплощения. А если еще учесть, что на сатирическом фронте дела у нас обстоят не достаточно хорошо и расширяется область юмористических произведений, еще не пришло время, то зрители должны по достоинству оценить доблестный труд создателей «Кабачка».

На зритель, по правде говоря, грех жаловаться. Самые забавные из них даже пытаются провобать себя на литературном поприще и ради наших успехов готовы превратиться в авторов-юмористов. Они приспосабливают свои пародии, шутки, репризы, рассказы. Здесь-то и выныривает старая истина, заключающаяся в том, что

увлекательно юмористически. Он не желает никаких переживаний. Как голубка среди знакомых, привычных лиц, появляются кто-то новый, на редакцию обрушивается град писем: кто такой? Зачем явился? Но если исполнить первые передачи, то в них не было многих персонажей, которые сегодня приняты и любимы зрителем. Не всегда это происходило с согласия тех, кто постоянно смотрит передачу и даже вопреки им, но новое лицо постепенно появлялось в «Кабачке», постепенно завоевывав так себе постоянное место. Однако такая участь постигла далеко не каждого пришельца. Судьба некоторых сложилась печально. Причина — в природе «Кабачка», его персонажем. Разберемся в этом чуть подробнее.

Кто они такие, завсегдатаи кабачка пани Юзефа? Все как один — по традиционным представлениям — отрицательные герои. Они и неумны, и хитры, и простоваты, и vzdorны, они и неискренни, и неудачливы, и трусливы, и напыщенны, и в яросте толку, они подзаминают и не считают не считать со всеми человеческим достоинством. Черо уж хуже! И все

Игорь Георгиевич не скрывает раздражения:

— Запомните, ребята, мы идём не предмет, не вещь, а историю. Подход к раскопкам с точки зрения кладовладельца — антинаучный. Мы идём истинно. Клад истинно — вот что такое наука.

А все-таки неплюбо было бы чего-нибудь удачи! — шутирует на солдце Олег.

Теперь рабочие часы будут слушаться под горку. Деревенские бурты двадцатиминутный перерыв — перекусывают. Они располагаются на возвышенности за башкой. Игорь Георгиевич и Олег пускаются в спор.

— Что Иуаурт? Вот в Овсянка я был — роскошная древность.

— В древности мы идём не только красоты — Игорь Георгиевич спорит жестоко, как будто перед ним материальный противник его убеждений, а не умышленный в бороду и подмигивающий Володе Олег! — Вот возмоз современности. Деревню Иванювку, в которой ты остановился. Твою историю Улямыу Анурфиеву, у которой шесть лет останавливался основатель раскопок на Иуаурте, мой учитель Виктор Францевич Гаудауевич. Разве этот домик неинтересен тебе? Разве познакомишься с его хозяевами и современности, ты узнаешь о нашем времени меньше, чем ты бы узнал через личный опыт «вторчермета» или «Пшестрета»? Нет, простите! Археологи чужды тебе? о ринтах. Простите в него подтверждает и подкрепляет волюнтаризм...

— Игорь Георгиевич, а правда, что Виктор Францевич умер в Крыму во время раскопок?

— Все умоляет. Тинина сразу превращает Иуаурт в печальное, сиротское развалины.

— Да, он умер во время раскопок. Изумительный был человек. И учёный блестящий... Один из выдающихся исследователей Боспорского царства.

Археологи строят для современности весты в прошлом. Только с ней можно по-настоящему познать и понять человечество...

Олег приклад к небольшой вилке. Разрезав пальцами землю, поспрашивает:

— Ох, алоба, какой Омега что-то ищешь! — простодушно восклицает Саша-Кости.

— Игорь Георгиевич, а что, если и золотую монету найдут! — не обещиваясь, кричит Олег.

— Пусть за своё. Впрочем, за такую находку... Но здесь её вы не найдёте.

Олег всё скрючился, подобрался. Руки как лампы родного хищника.

Ребята стараются над ним. Вера Володя новая неподдельная статистику. Но у неё было слегка отлеток. Но высказанные широченные глаза впаине сохранились. Алоба было странным, непонятным.

— Неужели они такие были? Как марсиане... — пролетела Саша-Кости. Решившись бы им в тоже, тоже шаркающая бы, эти науторчики — острота Тоше.

— Ты не Алоба... Саша-Кости обиделся.

— Да, склды мы! — процитировал ни к кому не обращаясь, Игорь Георгиевич — Да, азматы мы с раскопками и жадными одами — Нет, пожалуй, здесь больше метафоры, экспрессии, чем исторической правды. Бюк искал могучее сравнение и нашёл его.

Олег продолжал копаться. Спрессованная земля придавала оборотам голоса. Под ним скрючилась какой-то предмет. Олег вдруг закричал как режанный и кинулся к Игорю Георгиевичу. Толаа ребит залулаа за ним.

— Хороню. Это светлячки. Отмачиваю находка... Игорь Георгиевич сохраняет падающий тон. Глаза Олега неуловимо горят. Все видело, что он навалился на большую поклажу.

...Общий заметный шаг. Игорь Георгиевич все чаще напоминает ребятами, что отбрызг уже на исходе, что ему нужно вести результаты в Ленинград, что такими темпами Иуаурт раскопать не удастся и за всю оставшуюся часть нашей стоетии.

Но это уже действительность. Наступает томительное ожидание конца рабета. Еще вмятает кирки, еще скрипит тачка, а в мыслях раскопщик уже далеко отсюда, где тае. Игорь Георгиевич чувствует это. Ему становится немного обидно за Иуаурт.

— Саша... обращается он к Саше-Кости, — а вот ты видишь пещ в своей рабете?

— Да... мечтательно выдыхает тот. — Фу, пылака какай! Да подаж ты махаты! — оравывает Толик на одного из ребят, проваливающего рабета... Выныш, какой серьёзные внос.

Раскол замывает.

А какай эта пещ, Саша? — Игорь Георгиевич серьёзен, озабочен, сердечен.

— Вот для чего ты копнешь? Довольное выражение сменяется у Саша-Кости растерянном. Он знает, что ответить, но как об этом сказать? И Саша-Кости мнется. Молчит. И потом вдруг кричит:

— Чтобы деньги заработать.

Игорь Георгиевич подвывает, почти убит.

— А деньги зачем? — спрашивает Олег. И Саша-Кости с какой-то обидой на себя заканчивает: — Я их уже знаю.

Но дуэль не кончилась. Игорь Георгиевич, законив раскопывания, вытаскивает из себя записку.

— Выходит, иуауртонским жид здесь 1700 лет назад, чтобы ты сегодня заробода себе на штаны!

— Всеобщий ходок обрушивается на белую Сашину-Костину голову. Тут уж начинает смеяться и он сам, чувствую познанием, что стрелял часок в сторону, уже там, где он стрелял.

Рабочий день ушел. Он сразу стал легким, приятным, необходимым... Вроде уже и не хочется расставаться, прятать в драные потреба шиваки, оставлять Иуаурт в одиночестве.

Недолго стояла вместе, толпа Олег и Володя пухлыми бегом вниз по склону, там, востере, ближе к железному ободу, который уже наверняка дымился на палте Улямыу Анурфиевы. Еще они и потому хо-

тели скорее очутились там, в Иванювке, что могли быть письме из дома...

Остальные ребята тоже собрались было идти. Но как-то топились на месте. Им как будто и начальника не ловко было оставаться, но и с ним идти до деревни казалось несколько скучным, быстрее хотелось остаться одному, идти вполне смогли бы при ком постороннем невозможному разговору. Все же из потючки к Игорю Георгиевичу ребята медлили. А начальник, видно, уже собрался пройти в одиночестве эти семь километров по степи свои. Каждый день они были разные — в зависимости от настроения — и каждый день ожидался незаметно для занятых работой молчок, ожидаясь как молния прокука мысли. Но Игорь Георгиевич полагал на ребят, и ему стало совестно, вроде от них отделиться намерев, вроде неуважительно к ним и давшие рабочего дня дела с ними иметь не хочот.

И пошел все вместе.

Когда пересекли овраг, бывший котлован руслом мелкого ручья, и отступили на противоположном Иуаурту обрыве, все увиделись по-другому. Иуаурт стал болячим, заметным среди обломков степного пространства.

Огромный холм имела срезынную верхушку, вместо которой была плоскость — что-то вроде последоющей площадки для неурнувших симметронов.

Плоскость была в приподнятом, приподнятой, сляпком ровной для прыска — это затнутой землей за тысячу семсот лет разрушенную крепость, а в нем и давшие ровного сляпа выпала и, заполнив объем, сверху уже больше не ложился, остался на уровне краев уснувшего города. Поэтому и бросалась в глаза эта плоскость, фределась в глазах эта плоскость, фределась отлучалась от окружающих отлучалась, главных форм степного пейзажа. И только разрезная часть Иуаурта сседала на холмком трывком юге, воздвигая воображения, адоримаясь все остальные части невнятного города.

— А здорово, когда все отключено! — сказала Саша-Кости. Шныги были забыты, деревенский наренок унадела со стороны своего неудачного рабета.

Семь часов труда незаметно свое дело. Ребята, утомившаяся физически, вдруг очутились цинизм какай-то новых, неспиривших мыслей и ощущение — видимо, рассказываемое исследователем Игорю Георгиевичем не решительно бесследно, а откатывалось и прорастало.

— А вот если бы мы одни были на все это, быничего на ней еще неслезало бы было бы. Ну, ничево! Карта по географии нет, едаах куда — неизвестно и на чем едаае — тоже. В обобщет, нет городов и едаае — это затволение Игорю Георгиевичем на раскопки. Витя. Он почему-то стеснялся Игоря Георгиевича и в его присутствии еще ни разу ничего не сказал, только выслушал все, а на него получившись, как хотелось бы, я все даже на Иуаурте-то соросил, и мы все время подогоню.

Витя отпустил голову. Он смутился, но оборотился, чувствуя, что Игорь Георгиевич принял его предложение.

— Да, много едаа на земле... сказала Саша-Кости... давайте скорее копать наш Иуаурт.

открыта, и города построить, и кинуть все запасы.

— Этого мы не смогли бы сделать с вами и за миллиарды лет... с привычной научной определенностью заметка Игорь Георгиевич, а сам, скрывая во взгляде удивления, посмотрел на Витю как на нового, ранее незнакомого человека.

— Да мы бы одни Иуаурт за свою жизнь не откопали... простодушно признался в своем бессилии Саша-Кости.

Даже на карту внести Крым со всеми подробностями и бы не сумел... Толик отстоялись, посмотрел вокруг и закончил: — Все-таки правильно, что Алоба до нас жила и все сдала.

До всего очень далеко. Это — только начало. Наша цивилизация, по моему, предшествует невероятному скачку всего человечества... сказала Игорь Георгиевич.

— Так, значит, наша работа на Иуаурте — тоже часть этой всей работы, которую на земле надо было бы сделать, если бы мы одни тут были! — Саша-Кости, очевидно, не мог размышлять вне Иуаурта об эволюциях и прогрессах.

Игорь Георгиевич, обрадованный, что все так удачно с точки зрения воспитания и конкретных задач по раскопкам повернулось в этом абстрактном разговоре, тут же осыпал Сашу-Костю комплиментами, тут даже зарделся.

А Витя, высказавший, видимо, впервые свою заветную мысль, не обратил на это внимания и загосорил: слова.

— Если бы я был бессмертным, я бы все на земле сдала, что сделала на ней до меня.

Игорь Георгиевич почувствовал тут что-то серьезное, выходящее за рамки его обычных нравовательных и познавательных бесед.

— Только и можно не так бы сдала... — припрунчился, уже другим, странно изменившимся голосом сказал Витя.

— Как? — Лучше... — была ответ... Я бы все сдала на земле, все, все: машины, города, сады, дворцы, заводы. В обобщет, все. Отрыла бы закопы природы. А потом бы пригласила на землю Алоба и сказала им, чтобы они жили по справедливости. Все у них есть, нусть только старются сами быть лучше.

— Как поучилось наоборот? Тебя пригласила Алоба на землю. И говоришь: живи справедливо, хорошо и счастливо. Но даже когда столько сдала, все, а на нее так получившись, как хотелось бы, я все даже на Иуаурте-то соросил, и мы все время подогоню.

Витя отпустил голову. Он смутился, но оборотился, чувствуя, что Игорь Георгиевич принял его предложение.

— Да, много едаа на земле... сказала Саша-Кости... давайте скорее копать наш Иуаурт.

Ведь мы не бессмертны... с улыбкой Алоба. Игорь Георгиевич и этот вечер впервые повела с деревенскими ребятами.



Дьердь КАЛЬМАР, венгерский публицист

ПЕРИКЛ И «ЗОЛОТОЙ ВЕК»

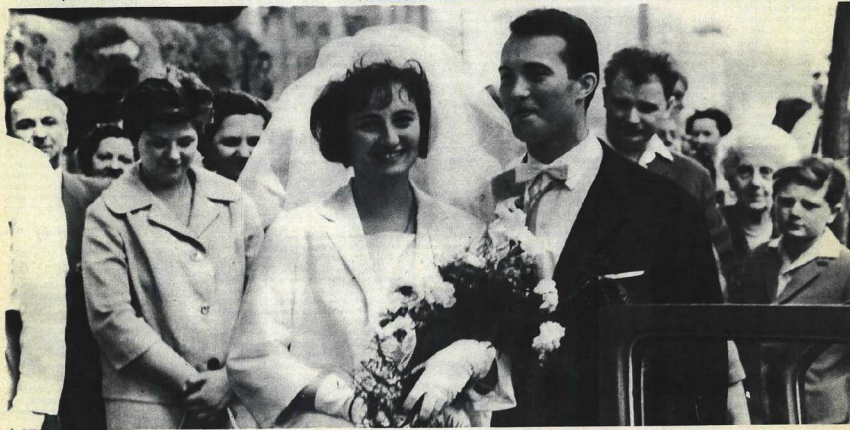
Фото Сергея МИХАЙЛОВА



Чувствую, что в заглавии моих заметок есть определенная условность. И все же я намеренно ее сохраняю. Коммунисты один из героев этой истории носит прозвище «Перикл», а волевыми вспоминаю античность и так называемый «золотой век Перикла», который Маркс считал эпохой высочайшего внутреннего расцвета Древней Греции.

Все началось с письма, которое однажды полу-

Кажется, это Чапек с серьезным видом удерживает фотоаппарат: легче всего снимать вокзалы — они не движутся, а труднее всего — улыбку, ибо она жамолетка. Но Будапешт — город улыбок, и они обязательно попадают в кадр, будь это на станции детской железной дороги, где юный житель венгерской столицы открывает в путь свой первый пассажирский поезд, будь это на старинной улочке Будапешта, где начинается свой жизненный путь новая молодая семья...



Глава V. «ДАЮ ТРЕТИЙ РАЗВОД»

Утром Сергей встал невспавшимся и с трудом поддавался в себе невезистое отгула вуду завышенное наказание. Что это он в самом деле? Кажется бы, все идет нормально, даже успешно. События последних двух дней — обнаружение Дианы, а главное, вчерашнее задержание Юсуфа — значительно продвинули расследование всего дела. Этот Юсуф, бесспорно, главная фигура. И Рожков, и неведомый пока Карим, и тем более Трофимов являются простыми исполнителями, «возчиками». А вот Юсуф где-то достает наркотики. Это — самое опасное. И Юсуф задержан. Так чем же Сергей недоволен? Что ему надо? Дойти до конца преступной цепочки? Так ведь он и идет к нему! Сейчас в его руках никто, важнейшее не лезло. Кажется бы, радуясь, черт возьми! Просто он вымотался за эти дни, вот и все.

Сергей потянулся и в одних трусах подошел к окну. До чего тут хорошо, в Танкенте, тепло, солнечно, все цветет крутом, воздух просто напоен ароматом роз.

Он нагнулся над широкой ванной, где плавала роза. Ну и запах! И одновременно угадал стонущую под водой гостиницу, машину из горючего. Так и есть, он, конечно, опоздал.

Когда Сергей пришел в горючее, уже почти сразу ползнула Нуриманов.

— Заводи. Ждем.

— В его кабинет Сергей застал и Валькова. Тот, хмурясь, потирая свой широкий, с замыслившим, лоб, подало одно что, на котором резко обозначались синеватые мускулы под голыми, выделанно обозначенным. Увидел Сергей, он ухватился и сказал, тяжело поднимаясь и швыряя Сергею руку.

— Ну и отпачкался ты сегодня ночью. Еще одна свадьба — и ты всю шкуру нероловишь.

— Было дело. Ибадов уже пришел?

— Пришел. Он у газету чуть не до утра сторожил. Никто его не взял.

— Ах — закупившая, покачала головой Сергей — Странное дело. Чья она может быть? Юсуфа на свадьбе я не видел. Неужели я его променял?

— Нет. Ничего удивительного. Там же человек сто было.

— Если не больше.

— Ну, вот видишь.

— И все-таки странно...

— Ах — закупившая, покачала головой Сергей — Странное дело. Чья она может быть? Юсуфа на свадьбе я не видел. Неужели я его променял?

— Нет. Ничего удивительного. Там же человек сто было.

— Если не больше.

— Ну, вот видишь.

— И все-таки странно...

— Ах — закупившая, покачала головой Сергей — Странное дело. Чья она может быть? Юсуфа на свадьбе я не видел. Неужели я его променял?

— Нет. Ничего удивительного. Там же человек сто было.

— Если не больше.

— Ну, вот видишь.

— И все-таки странно...

— Ах — закупившая, покачала головой Сергей — Странное дело. Чья она может быть? Юсуфа на свадьбе я не видел. Неужели я его променял?

— Нет. Ничего удивительного. Там же человек сто было.

— Если не больше.

— Ну, вот видишь.

— И все-таки странно...

— Ах — закупившая, покачала головой Сергей — Странное дело. Чья она может быть? Юсуфа на свадьбе я не видел. Неужели я его променял?

— Нет еще. Спустыми руками к ней идти бесполезно. Надо сперва все, что можно, узнать о нем.

— Ну, вот — заключила Сергей — А четвертая линия — Юсуф. Этим я сам займусь. Ведь какие деньги мне сова, подевай, ты только подумай! Прокурор даст санкцию на его арест? — спросил Нуриманов.

— Надеюсь. Да начала его опознать Трофимов и его хозяйка. Надо за ними послать. — Нуриманов молча кинула в ответ: — И еще, думаю, — продолжала Сергей — кое-что даст и Осман. Целеуказный, квалифицированный обыск. — Он обернулся к Валькову: — Тебе это надо возглаговать, Алексей Макарович.

Вальков досадливо вздохнул: — Плохо. Без подготовки придется проводить. Так что большого успеха не ждите.

— Зато внезапно, — утешил его Сергей.

— Одна ставка не дает результатов, которого ждал Сергей. Правда, и Трофимов и его квартиру хозяин уверенно опознал человека, иочившего однажды в комнате у ребят.

— Юсуф каждый раз хмуро податержал: — Знает его зовут Берис... Знаю, зовут Зара Хамидова. Ночевал там. Это точно...

Однако на вопрос, какое дал поручение Профимову, отправляя его в Борск, злобно свернула глазами.

— Ничакого не давал. Врет он, собачий сын.

— Больше в том дело Юсуф не показывался. Судя по приметам, собственным хозяйкой, чемадом для Трофимова привез тут Рожков.

— Одна ставка не дает результатов, которого ждал Сергей. Правда, и Трофимов и его квартиру хозяин уверенно опознал человека, иочившего однажды в комнате у ребят.

— Знает его зовут Берис... Знаю, зовут Зара Хамидова. Ночевал там. Это точно...

Однако на вопрос, какое дал поручение Профимову, отправляя его в Борск, злобно свернула глазами.

— Ничакого не давал. Врет он, собачий сын.

— Больше в том дело Юсуф не показывался. Судя по приметам, собственным хозяйкой, чемадом для Трофимова привез тут Рожков.

— Одна ставка не дает результатов, которого ждал Сергей. Правда, и Трофимов и его квартиру хозяин уверенно опознал человека, иочившего однажды в комнате у ребят.

— Знает его зовут Берис... Знаю, зовут Зара Хамидова. Ночевал там. Это точно...

Однако на вопрос, какое дал поручение Профимову, отправляя его в Борск, злобно свернула глазами.

— Ничакого не давал. Врет он, собачий сын.

— Больше в том дело Юсуф не показывался. Судя по приметам, собственным хозяйкой, чемадом для Трофимова привез тут Рожков.

— Одна ставка не дает результатов, которого ждал Сергей. Правда, и Трофимов и его квартиру хозяин уверенно опознал человека, иочившего однажды в комнате у ребят.

— Знает его зовут Берис... Знаю, зовут Зара Хамидова. Ночевал там. Это точно...

Однако на вопрос, какое дал поручение Профимову, отправляя его в Борск, злобно свернула глазами.

— Ничакого не давал. Врет он, собачий сын.

— Больше в том дело Юсуф не показывался. Судя по приметам, собственным хозяйкой, чемадом для Трофимова привез тут Рожков.

— Одна ставка не дает результатов, которого ждал Сергей. Правда, и Трофимов и его квартиру хозяин уверенно опознал человека, иочившего однажды в комнате у ребят.

— Знает его зовут Берис... Знаю, зовут Зара Хамидова. Ночевал там. Это точно...

Однако на вопрос, какое дал поручение Профимову, отправляя его в Борск, злобно свернула глазами.

— Ничакого не давал. Врет он, собачий сын.

— Больше в том дело Юсуф не показывался. Судя по приметам, собственным хозяйкой, чемадом для Трофимова привез тут Рожков.

— Одна ставка не дает результатов, которого ждал Сергей. Правда, и Трофимов и его квартиру хозяин уверенно опознал человека, иочившего однажды в комнате у ребят.

— Знает его зовут Берис... Знаю, зовут Зара Хамидова. Ночевал там. Это точно...

Однако на вопрос, какое дал поручение Профимову, отправляя его в Борск, злобно свернула глазами.

— Ничакого не давал. Врет он, собачий сын.

— Нет еще. Спустыми руками к ней идти бесполезно. Надо сперва все, что можно, узнать о нем.

— Ну, вот — заключила Сергей — А четвертая линия — Юсуф. Этим я сам займусь. Ведь какие деньги мне сова, подевай, ты только подумай! Прокурор даст санкцию на его арест? — спросил Нуриманов.

— Надеюсь. Да начала его опознать Трофимов и его хозяйка. Надо за ними послать. — Нуриманов молча кинула в ответ: — И еще, думаю, — продолжала Сергей — кое-что даст и Осман. Целеуказный, квалифицированный обыск. — Он обернулся к Валькову: — Тебе это надо возглаговать, Алексей Макарович.

Вальков досадливо вздохнул: — Плохо. Без подготовки придется проводить. Так что большого успеха не ждите.

— Зато внезапно, — утешил его Сергей.

— Одна ставка не дает результатов, которого ждал Сергей. Правда, и Трофимов и его квартиру хозяин уверенно опознал человека, иочившего однажды в комнате у ребят.

— Знает его зовут Берис... Знаю, зовут Зара Хамидова. Ночевал там. Это точно...

Однако на вопрос, какое дал поручение Профимову, отправляя его в Борск, злобно свернула глазами.

— Ничакого не давал. Врет он, собачий сын.

— Больше в том дело Юсуф не показывался. Судя по приметам, собственным хозяйкой, чемадом для Трофимова привез тут Рожков.

— Одна ставка не дает результатов, которого ждал Сергей. Правда, и Трофимов и его квартиру хозяин уверенно опознал человека, иочившего однажды в комнате у ребят.

— Знает его зовут Берис... Знаю, зовут Зара Хамидова. Ночевал там. Это точно...

Однако на вопрос, какое дал поручение Профимову, отправляя его в Борск, злобно свернула глазами.

— Ничакого не давал. Врет он, собачий сын.

— Больше в том дело Юсуф не показывался. Судя по приметам, собственным хозяйкой, чемадом для Трофимова привез тут Рожков.

— Одна ставка не дает результатов, которого ждал Сергей. Правда, и Трофимов и его квартиру хозяин уверенно опознал человека, иочившего однажды в комнате у ребят.

— Знает его зовут Берис... Знаю, зовут Зара Хамидова. Ночевал там. Это точно...

Однако на вопрос, какое дал поручение Профимову, отправляя его в Борск, злобно свернула глазами.

— Ничакого не давал. Врет он, собачий сын.

— Больше в том дело Юсуф не показывался. Судя по приметам, собственным хозяйкой, чемадом для Трофимова привез тут Рожков.

— Одна ставка не дает результатов, которого ждал Сергей. Правда, и Трофимов и его квартиру хозяин уверенно опознал человека, иочившего однажды в комнате у ребят.

— Знает его зовут Берис... Знаю, зовут Зара Хамидова. Ночевал там. Это точно...

Однако на вопрос, какое дал поручение Профимову, отправляя его в Борск, злобно свернула глазами.

— Ничакого не давал. Врет он, собачий сын.

— Больше в том дело Юсуф не показывался. Судя по приметам, собственным хозяйкой, чемадом для Трофимова привез тут Рожков.

— Одна ставка не дает результатов, которого ждал Сергей. Правда, и Трофимов и его квартиру хозяин уверенно опознал человека, иочившего однажды в комнате у ребят.

— Знает его зовут Берис... Знаю, зовут Зара Хамидова. Ночевал там. Это точно...

Однако на вопрос, какое дал поручение Профимову, отправляя его в Борск, злобно свернула глазами.

— Ничакого не давал. Врет он, собачий сын.

— Больше в том дело Юсуф не показывался. Судя по приметам, собственным хозяйкой, чемадом для Трофимова привез тут Рожков.

— Одна ставка не дает результатов, которого ждал Сергей. Правда, и Трофимов и его квартиру хозяин уверенно опознал человека, иочившего однажды в комнате у ребят.

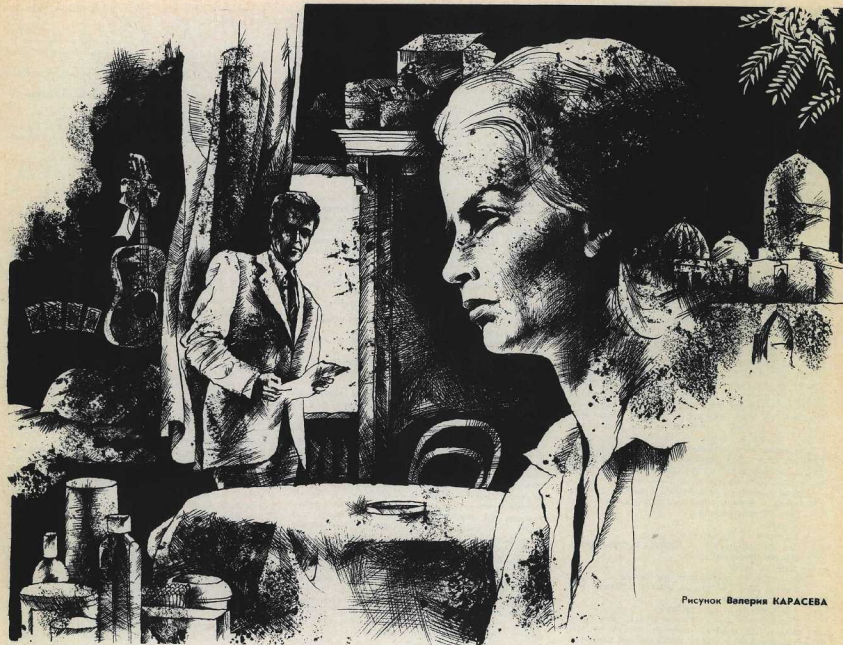


Рисунок Валерия КАРАСЕВА

бросил. Его заставили. Вот и все. И больше я вам ничего не скажу.

— Зато я вам могу сказать, когда и почему это случилось.

— Вот как? — Она приподняла одну бровь. — Интересно.

— Вы это, конечно, и сами знаете, — продолжал Сергей, — но я все-таки скажу. И скажу, почему я это знаю.

При последних его словах в глазах девушки мелькнула испуг.

— Почему же? — она словно проецировала его.

— Он больше не пришла к вам после одного события. Этим событием, Дина, было убийство Тома Гусева.

Она так поблдевала, что лицо ее стало как будто мраморным и под кожей проступали синие жилки.

— Нет! — с отчаянием воскликнула она, подняв тонкую руку и словно защищаясь его от кого-то. — Нет! Он тут ни при чем!

— Возможно. Но почему убил Тома, вы догадываетесь?

— Откуда я могу знать...

— Ну, что ж. Тогда я вам скажу. — Сергей сделал паузу, потом медленно добавил: — Это убийство легко объяснить ревностью.

— Что вы, — слабо умявшись Дина, — Он знал, что я люблю только его. Он просто нас познакомил. Ведь они были друзьями. А Тома...

— Валюсик!

— Да...

Она произнесла это так тихо, что Сергей скорее догадался, чем услышал.

«Были друзьями». Но у Гусева была только одна друг, который мог это сделать, — Карим! И какой-то Карим связан с Рожковым, убийцей Гусева.

Так неужели... Да, да, это не совпадение, это один и тот же человек! Конечно, один и тот же!

Открытие пришло внезапно, как всякое открытие, как озарение. Будто проскочила искра и разрозненные элементы вдруг сошлись в цепь. И она куда-то ведет, эта цепь.

— Валюсик! — повторил Сергей. — Это повод для ссоры. И они поссорились!

— Нет, они не поссорились...

— Но ведь Тома ушел от семьи. Значит, у него появилась надежда!

Закусив губу, Дина напряженно смотрела в окно.

— Вы подарили ему свою карточку, — продолжал Сергей. — «На добрую память». Об этом тогда знал... Карим?

Она повернулась так стремительно, словно ощутила ожог.

— Знай! Он все знал! Я ничего от него не скрывала.

— Но тогда...

— Что «тогда»? Что? — Она вся подалась вперед и теперь смотрела на Сергея с отчаянной решимостью. — Я же вам сказала, он не виноват! Он... он никого не убивал!

— Я знаю. Тома убил другой человек!

— Вот видите!

— Это не все, — покачал головой Сергей. — Я вам сказал, что убийство можно объяснить ревностью. Но его можно объяснить и по-другому. Гусев тоже не хотел больше брать те деньги, как и вы.

— Ну, да! Он не хотел! Будь они прокляты! — с внезапно испугавшей неважностью воскликнула Дина. — И... Карим тоже не хотел!

Она впервые произнесла это имя, произнесла неуверенно, через силу.

— Нет, — резко возразил Сергей. — Карим был

и берет. Он и вас втянул в это дело и Тома тоже. Он...

— Если на то пошло, то его тоже втянули! — страстно перебила его девушка. — Втянули, втянули, я знаю!

— Подождите! — Сергей поднял руку. — Давайте говорить начистоту, согласны?

— Согласна!

— Он видел, девушка сейчас готова была на все, чтобы защитить своего возлюбленного, чтобы отвести от него подозрение.

— Так слушайте.

Сергей закурил.

— Можно? — спросила Дина, потянувшись к сигаретам.

— Да, конечно.

В ее тонкие пальцы сигарета выглядела как неуместно, хотя курила Дина привычно и жадно.

— Так вот, — повторил Сергей. — Дело это серьезное и опасное. Опаснее, чем вы думаете. Тот человек...

— Это он втянул Карима!

— Возможно.

— Не «возможно», а точно! Он его родственник.

И все время посматривая Карима к другому родственнику. Куда-то далеко, на машине. Карим мне сам говорил.

Она теперь произнесла это имя свободно, не заумываясь. Этот барьер уже рухнул между ней и Сергеем.

— И Тома он послал?

— Да, и Тома... Один раз.

«Вот зачем ему нужны были шоферы» — подумала Сергей. — И вот почему убил Гусева: он знал дорогу».

— Знате, Дина, — сказал он. — Мне надо увидеть Карима. Может быть, вы и правы. И его

Иногда шум немного улегся, на кафедру вошла человек, за чей-то оставшийся при университетского, и выпала стакан воды.

— Уважаемые, — нерешительно сказала он, — я нашла одно интересное стихотворение.

— Я нашла четыре тома незнакомых стихов Пушкина, — обиделся один из присутствующих пушкинщиков. — Можете бы прозой заняться, а вы к стихам лезете.

— Каждый сам по себе современник, — змуро ответил оратор, — что нашла, то и нашла.

И, продержав недолгую паузу, он прочел:

У меня была собака,
Я ее любил.
Она съела кусок мяса,
Я ее убил.

— Поставим на голосование — мероприятие предложено председателем собрания, — тогда все и выяснится.

— Что за голосование?
— Собаку.
— Почему же собаку?
— Ну, мясо...

Так как председатель был очень ученый профессор и знала вынуть чужие стихи Гоголя, которая тогда не писала, из уважения к нему проголосовала.

Учащийся молодежь бурно запротестовала.

— Какой собака, не надо собаку... Прошло уже время, когда...

— Стали брать слово представители различных литературных течений.

— Кто горюит свою собаку мясом? — крикнул спросил представитель гражданской поэзии.

— Я кормлю, — растерянно отозвался человек, оставшийся при университете, — так и в подлиннике сказано.

У меня была собака, я ее любил.

— Собака трагедиста и собака статского советника суть разные собаки. И если одна приписана к податному сословию, то другая аристократической крови...

— Я поступил с ней сурово. В подлиннике сказано:
Она съела кусок мяса — я ее убил.

КАДРИЛЬ СЛОНОВ



— Довольно крови. Вы не имеете права убывать животных, не передав дело на рассмотрение суда чести.

— Это замесел автора.

— В наше время скромное потребление общество лучше авторского замесла. Так говорит колосс истории. Я закончил.

— Ставлю на голосование.

— Кто?
— Собаку, — упрямо ответил председатель.

— Ставлю.

— Почем восемнадцатый век вставанем.

Молодой критик возражал ко существу:

— Прежде всего собака не могла съест мяса. Я сам видел, как на бойне заколоти посласлово буженину и проделав театлину чуть ли не по латрину.

— Это — произведение восемнадцатого века.

— Почему же вы до сих пор молчали? Двести лет носили его в карма-на, а теперь, когда литература сделала бумагарной, открыли...

— Мне только тридцать два года.

— А мне семидесят четыре, — грубоко обиделся председатель.

Представители новых вавяских течений в поэзии шумно поддерживали докладчика.

— Приветствуем новое черномозговое слово, — весело сказал один из них, подхвачу к кафедре, — приветствую до-вольше всех Ассос родины. Была собака — убил собаку. Гордое слово. Довольно тянутесь за Западом. Еще бы смеели надо.

Ах, ты, гой сын, собака. Я тебе убил!

— Это верно, — согласился докладчик.

— Еще бы, — усмехнулся черномозж-ный поэт и, сходя с кафедры, доба-вил черномозжым теором: — Волга-миска широка, размахились мои рука. Мне докладчик ничем: можно в уку кирингом.

В конце прений попросил слова какой-то ступоный человек, с кото-рого так пахло ежесемичными журна-лами, что дамы около него быстро ме-нялись местами с сознательными сту-дентами.

— Начего но имею докладчик, — бы-стро затворил он, — ничего, извините, но имею. Украдено стихотворение!

У Пушкина primo:
Знаю, крестьянин вел собаку,
И мясо взял на армочных он.
Любил он рысь
И потому любил и быка.

— У меня же ни христианства нет и не пагется никто, — горько посмот-рел на председателя докладчик.

— Долго ли по нашему времени шу-ру собака замечать, а рысь мясом! Почувствовал себя ужоматроа-рым, оратор сошел с кафедры.

— Голосовать!
— Голосовать!
Выражая почтение австрийской литературе.

На другой день газеты поместили подробные отчеты о приходе и пре-кращении докладчика.

«Восходящий светил прик-дои. Кри-стици сделала неожиданный доклад о новом стихотворении, приписываемом перу автора. Помещены повзванные строки (опуска подробности):»

Знаю, крестьянин вел собаку,
И мясо взял на армочных он.
Любил он рысь
И потому любил и быка.

Были шумные прения; голосовали представители разных течений. На собрании высказались обозначены жи-вой группы психалегии: абиств — ст татарского слова «хтыр», что значит: «спасибо, я уже ел». Новая группа скоро устраивает верше искусства, с прениями. Снимать верхнее платье не обязательно.

1916 г.



ПЯТЫЙ ТУР

Внимательно читатель! нашего журнала предлагается пятый заключительный тур шахматной олимпиады «Сме-ные». Предложите задания белым, фишьяны в «Сме-ные №№ 2, 3, 7, 13.

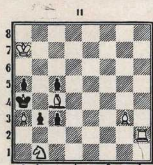
За правильные и досточко, по полные решения поставши позиции последнего тура, кем и во всех предыдущих раундах, можно получить максимумую оценку в 20 баллов.

Не забудьте на конвертах пишем с ответами, ставши пометку: «На шахматную олимпиаду «Сменые»».

Срок прислания пишем на пятый тур: 15 октября, с 12 по четвертому иттемалою ст-раниям.

ПОПРОБУЕМ РЕШИТЬ

1
Белые — Кр1, Дп1, Сг6.
Черные — Кс4, пп. 3, 2.
Черные — Кр1, п. 3.



В первой композиции нужно найти кратчайший путь к мату (3 балла), во второй — мату белым (начинать и дают мат в три хода (2 балла).

Условие первой композиции — белым начинать и делают ничью (4 балла), во второй отходе надо доказать, доска изменена место в 1402 году сравнение между войнами монгольского полководца Тамерлана и султана Баязита.

В истории известно, что Тамерлан настояло люди шахматы, что в память победы над Баязитом дал своему сыну прозвище «Шах-мат», означавшее в переводе — «князь сильнойшии фигуры противника (в те далекие времена сильнейшей шахматной фигурой считался ладья — «рех»).

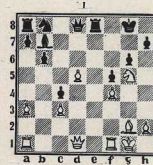
ЭТЮД — ВСЕГДА КРАСИВО



«ЖЕЛЕЗНАЯ ПЛЕТКА»

Необычную шутливую композицию составил видный русский шахматный мастер XIX века Константин Финш. Это так называемая «железная плетка». Она представляет собою попытку отобразить на шахматной доске времена место в 1402 году сравнение между войнами монгольского полководца Тамерлана и султана Баязита.

КАК БЫ ВЫ СИГРАЛИ?



Белые — Кр1, Сс4, Ш8, Кп1, Кс6, пп. а3, е3, f2.
Черные — Кр3, Фб6, Ш3, Ш4, п. d4.
Условие первой композиции — белым начинать и делают ничью (4 балла), во второй отходе надо доказать, доска изменена место в 1402 году сравнение между войнами монгольского полководца Тамерлана и султана Баязита.

В истории известно, что Тамерлан настояло люди шахматы, что в память победы над Баязитом дал своему сыну прозвище «Шах-мат», означавшее в переводе — «князь сильнойшии фигуры противника (в те далекие времена сильнейшей шахматной фигурой считался ладья — «рех»).

История известно, что Тамерлан настояло люди шахматы, что в память победы над Баязитом дал своему сыну прозвище «Шах-мат», означавшее в переводе — «князь сильнойшии фигуры противника (в те далекие времена сильнейшей шахматной фигурой считался ладья — «рех»).

эффетным фишьялом: 1. f3 + 1 g7, 2. e4 + cd 3. Cf5 + 1 e4, 4. d4 + 1 e4 6. a8c + Сb5 6. Ней + 1 f7 7. Сd5 + Сd5 8. Ней8 + g7 9. Фe5 + 1 f6 10. Ней8 + 1 f6.



Закончившая позиция заключившаяся вничью.

«Железная плетка Тамерлана» — так образно назвали свою задачу Я. Финш.



СВЕРЬТЕ СВОИ ОТВЕТЫ

Приводим критике решения позиции четвертого тура нашей шахматной олимпиады: 1. d4! Кр7 2. Фd1 Сd5 4. Фd1: экон — 1. d7! a2 2. Фd1: Лd7 3. Фd1: Лd7 4. Крb2 Лd5 5. Крa1 Лd5 6. Лd5: Лd5 7. Лd5: Лd5 8. Лd5: Лd5 9. Лd5: Лd5 10. Лd5: Лd5 11. Лd4 2. Л: d4 Сf5 3. Фb5 Сe4 4. Фe4 Кe3 5. Л: d5 Фd7 6. Фe2 Л: e3 7. Л: a8 С: d4 8. Л: e6: К: e3 9. С: d4 Ф: d4 6. Л: e7: 7.



Рисунок Игоря ВОРОБЬЕВА



Рисунок Вахтанга КУЦИЯ

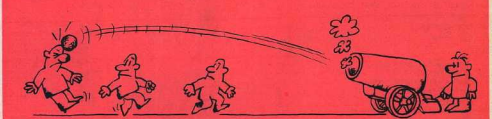


Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

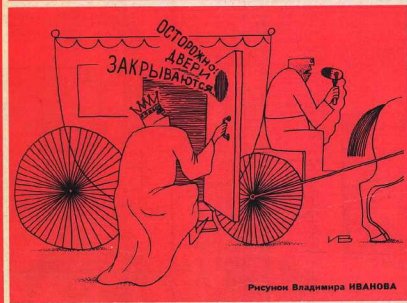


Рисунок Владимира ИВАНОВА

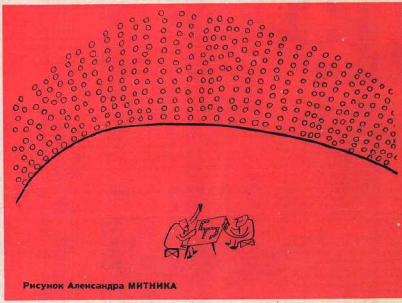


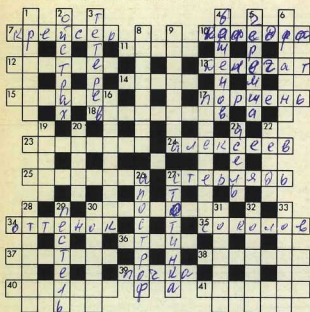
Рисунок Александра МИТНИНА

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 9/VI 1971 г. А 00951. Подписано и печатно 30/VI 1971 г. Формат бум. 70 × 109/16.
Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 1614. Заказ № 1606.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

КРОССВОРД

Составил К. КОРНЕЕВ, г. Москва



По горизонтали:

7. Боевой корабль. 10. Общественное учреждение преподавательского состава в вузе. 11. Литературный жанр. 12. Декоративное растение семейства орхидных. 13. Выборный представитель. 14. Химический элемент. 15. Город в Восточной области. 17. Растение-двигатель. 18. Насос. 19. Притон Днепро. 20. Советский штамгист, членом ми-

ра. 25. Вид изобразительного искусства. 27. Островная рыба. 30. Советское спортивное общество. 34. Семья тонна в красках, злуках. 35. Герой рассказа Шолохова «Судьба человека». 36. Птица отряда дининовых. 37. Литературная часть. 38. Мыс в северной части Норвегии. 39. Занятость. 40. Рыболовная снасть. 41. Советные.

По вертикали:

1. Литературный кружок, участником которого был А. С. Пушкин. 2. Сирень, народный артист СССР. 3. Птица семейства фазанов. 4. Архитектор, представитель классицизма в России. 5. Диноростущий пень. 6. Рассказ А. П. Чехова. 7. Город в Литве. 8. Простыня. 9. Боевой корабль. 10. Общественное учреждение преподавательского состава в вузе. 11. Литературный жанр. 12. Декоративное растение семейства орхидных. 13. Выборный представитель. 14. Химический элемент. 15. Город в Восточной области. 16. Растение-двигатель. 17. Насос. 18. Город в Армении. 19. Притон Днепро. 20. Советский штамгист, членом ми-

нолекулярное органическое вещество. 21. Балет В. А. Васильева. 22. Персонаж оперы Р. Леонавалло «Плацы». 26. Надстроный знак в виде запятой. 27. Болгарская монета. 28. Центр нефтяного месторождения в Башкирии. 29. Декабрист. 30. Иероглифическое население соевой России. 31. Зональное созвездие. 32. Персонаж произведения М. В. Гоголя «Мертвые души». 33. Цветок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД. НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали:

7. Копитель. 8. Станция. 9. Ветеномешало. 12. Орхид. 13. Аравик. 14. «Вечерняя». 16. Динорос. 17. Ангасек. 18. Атолл. 20. Миндаль. 21. Нитерс. 25. «Славя». 26. Солонен. 28. Верстан. 29. «Пигмалион». 30. Токст. 32. Палом. 33. Крижжановский. 34. Полювье. 35. Попогоче.

По вертикали:

1. Роспронья. 2. Пимен. 3. «Зеленка». 4. Гадаина. 5. Бална. 6. Плоскость. 7. Сирень. 10. Багратион. 11. Архагельский. 14. Вальдшнеп. 15. Аттерпен. 16. Атаис. 19. Лиана. 22. 18. Атаис. 27. Цинандр. 28. Ворсена. 31. Трава. 32. Инкста.



ВОЛГА В СЕРДЦЕ ВПАДАЕТ МОЕ...

Слова Михаила ПЛЯКОВСКОГО
Музыка Бориса САВЕЛЬЕВА

Катаются волны в бескрайнем просторе,
Музыку Волги Россия поет.

Душу тревожит величие немое,
Волжских седых вечеров забыть.

Пр и п е:

Пр и п е.

Кто сказал, что Волга
Впадает в Каспийское море!
Волга в сердце впадает мое.

Будет качаться расцветные зори,
Будет от солнца искриться жизнь.

С Волгой делим мы радость и горе,
Грозно над нею вильют воронье.

Пр и п е:

Кто сказал, что Волга
Впадает в Каспийское море!
Волга в сердце впадает мое.

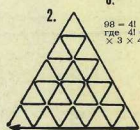
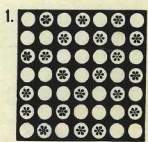
Пр и п е.



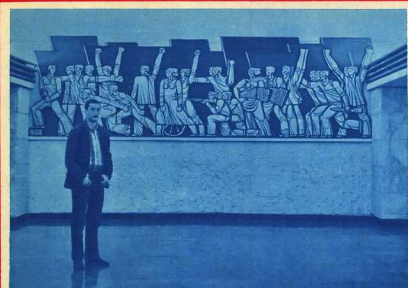
2.

В каждый из десяти квадратов нужно записать по одному из данных чисел:
1 — 1 1 1
— — — — —
10 35 70 14
11 1 1 2
140 — 20 28 35
1 — — — — —
140 — так, чтобы сумма чисел по горизонтали, вертикали, диагонали равнялась одному и тому же числу.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, «СМЕНА» № 15



3.
 $66 - 41 \times 4 + \sqrt{4}$
где $41 = 1 \times 2 \times 3 \times 4$



на определяют стиль его иллюстраций. Но любовь и театру, и театральному искусству, зародившаяся еще на студенческой скамье, не давала покоя. Не случайно темой своей дипломной работы он избрал оформление драматического произведения. Это были «Лунная соната» А. Тур и «Ирвазая свадба» Гарси Лорки. Затем последовали спелтэши, хореографические новеллы в Тбилисском театре оперы и балета имени З. Палиашили, «Иудость вымыслил» и «Король Лир» в театре имени Ш. Руставели. Этими работами Николай Игнатов встал в ряд ведущих театральных художников республики. Великолепно владеет техническими средствами и тайнами сценической композиции, он пришел в театр уже со своей сложившейся манерой.

Интересны и красочны его живописные полотна. Глубоко постижимо, они убедительно передают многообразие жизни. Его излюбленная тема — пейзаж.

Николай Игнатов возле своего народа «Дни революции» на ставке «Октябрьская» тбилисского метро.

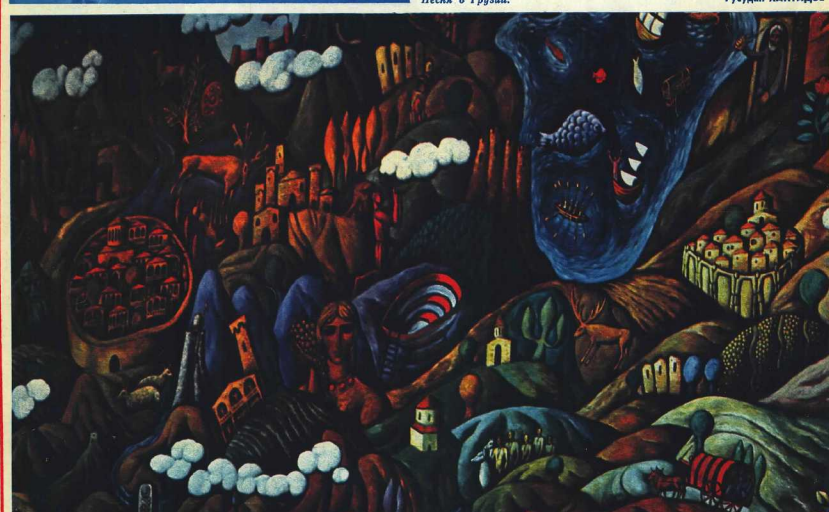
Песня о Грузии.

вседневность, быт трудовых людей, их чувства, переживания, характеры. Таковы «Тшхетия», в которой точно передан духовный мир горцев. На фоне силуэта села показана связь горцев; в самом уже расположении фигур чувствуются своеобразие и характеры людей.

Станция «Отлибрыская» тбилисского метрополитена находится в большом промышленном районе. Ее стены украшает монументальная панно «Дни революции». Оно как бы раскрыло новую черту в творчестве Николая Игнатова — владение монументальной формой. «Дни революции» — это произведение, в котором непоколебимая решимость большевиков, их преданность народному делу и революционный порыв выражены так безупречно точно, с такой выразительной силой, что поныне сравнивают его с лучшими работами, посвященными революции.

Его замыслы распространяются на все сферы, в которых он уже утвердился. Только он хочет работать в них по-новому, с учетом того опыта, который приобрел за годы насущного труда. Требуется терпеливость и самому себе и мастерству всегда идущему на руку в творчестве Николая Игнатова.

Русдан ХАНТАДЗЕ



О, ГРУЗИЯ МОЯ!

Среди венокосен сосен знаменитого курортного города Пицунда высятся корпуса новых гостиниц, санаториев и пансионатов. В вестибюлях одного из этих пансионатов невозможно не обратить внимание на огромную декоративную панно-фреску. На ней изображена удивительная по красоте, полна и сочная по колориту, необычайно интересная по своему сюжету картина. Это — своеобразная песня Грузии, по-своему сплетая художником.

Все, чем богата и слава грузинская земля, начиная от ее природных даров и исторических памятников, ее необыкновенно, разнообразной природы и мичава сегодняшним достижением — все это на фреске в виде монументальных и заповидающихся образов. Описать их, вероятно, еще труднее, чем создать. Поэтому фреску нельзя не иначе, как песней о Грузии.

Автор работы, известный в Грузии художник Николай Игнатов, сравнительно молод. В 1962 году он окончил

Тбилисскую Академию художеств. Живопись, графика, фреска, кино- и театральная декорации — вот те жанры, в которых его сочные, многоцветная кисть оставила свой собственный, ни на что другое не похожий след. Однако его пригласили сделать роспись ресторана. Он согласился. Но фреску он посвятил не эмигрантству, на застольном мотивах, а любви. Лица юноши и девушки, изображенных на фреске, были светлы, полны жизни. Фреска стала первоуродной в целой серии работ на эту тему.

Затем наступила очередь русских народных сказок, произведений Пушкина, Гюльштерна, Куприна, Гарси Лорки. Необычайная пластичность, ланичность, ясность и четкость рисунка.

Иллюстрация к книге грузинских сказок.

Иллюстрация к «Божественной комедии» Данте.

